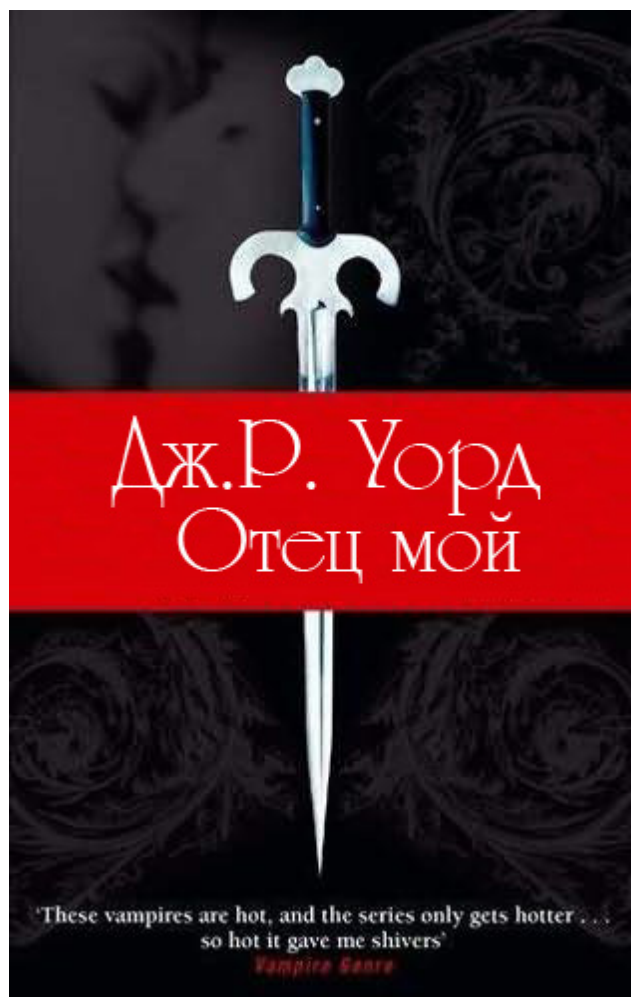

Дж.Р. Уорд

Братство Черного Кинжала

«Отец мой»

**Перевод: dojdliвая, РыжаяАня, сушка-печенюшка,
kristja1985 [notabenoid.com – rutracker.org]**

Глава 1

– Бэлла хорошо выглядит.

Стоя за столом в кухне Братства, Зейдист поднял нож, зажимая рукой салат-латук, и начал опускать лезвие через интервал в один дюйм.

– Да, хорошо.

Ему нравилась док Джейн. Черт, он был ей обязан. Но ему все равно пришлось напомнить себе о манерах: было бы чертовски грубо откусить голову женщине, которая не только была шеллан его брата, но и спасла любовь всей его жизни во время родов.

– Она замечательно оправилась за последние два месяца. – Док Джейн, сидевшая за столом, внимательно наблюдала за ним; ее сумка а-ля доктор Маркус Уэлби лежала рядом с полупрозрачной рукой.

– И Налла процветает. Черт, малыши-вампиры растут намного быстрее человеческих детей. У нее мышление девятимесячного ребенка.

– У них все замечательно. – Он продолжал нарезать салат, двигая рукой вниз, на себя, вниз, на себя. Ближе к концу лезвия, листья превращались в волнистые зеленые ленты, будто аплодируя обретенной свободе.

– А как ты справляешься со всеми отцовскими обязанностями?

– Твою мать!

Бросив нож, он выругался и поднял руку, которой держал салат. Порез был глубоким, до самой кости, а красная кровь брызнула и закапала с кожи.

Док Джейн подошла к нему.

– Окей, пойдем к раковине.

Нужно было отдать ей должное: она не прикоснулась к его руке и не пыталась вести, толкая в плечо, – лишь указала в направлении раковины.

Ему по-прежнему не нравилось, когда кто-то кроме Бэллы прикасался к его телу, хотя некоторый прогресс наметился. Теперь даже при неожиданном контакте он не намеревался первым делом лезть за спрятанным оружием или хватать того, кто позволял себе распусть руки.

Когда они оказались около раковины, док Джейн включила воду и повернула регулятор так, что в глубокое фарфоровое чрево хлынула теплая вода.

– Под струю, – сказала она.

Он протянул руку и подставил большой палец под горячий поток. Порез охрененно жгло, но Зед даже не поморщился.

– Дай угадаю. Это Бэлла попросила тебя придти поговорить со мной.

– Нет. – Он стрельнул в нее взглядом, но добрый доктор лишь покачала головой. – Я осмотрела ее и ребенка. Это все.

– Ну, хорошо. Потому что я – в порядке.

– Так и думала, что ты это скажешь.

Док Джейн, скрестив руки на груди, посмотрела на него так пристально, что ему захотелось возвести между ними кирпичную стену. Не имело значения, в каком состоянии она была: нормальном или полупрозрачном как сейчас. Это было неважно. Такой женский взгляд можно было сравнить только с сильной песочной струей, направленной прямо на тебя. Неудивительно, что они с Ви уживаются.

– Но она упомянула, что ты не хочешь кормиться от нее.

Зед пожал плечами.

– Налле ее тело нужнее.

– Но ведь это не ситуация «или–или». Бэлла молода и здорова, она отлично питается. И она кормилась от тебя.

– Конечно. Все для нее. И для ее ребенка.

Повисла длинная пауза.

– Может, ты хочешь поговорить с Мэри?

– О чем? – Он закрыл воду и потряс рукой над раковиной. – Из-за того, что я вежлив в требованиях к моей шеллан, ты думаешь, мне нужен мозгоправ? Какого черта?

Он оторвал бумажное полотенце от мотка под полкой и вытер ладонь.

– Для кого салат, Зед? – спросила доктор.

– Что?

– Салат. Для кого он?

Он вытащил мусорную корзину и бросил в нее полотенце.

– Бэллы. Он для Бэллы. Послушай, не обижайся, но...

– А когда последний раз ел ты?

Он поднял руки вверх в стиле «Остановись! Во имя любви!».

– Хватит. Я знаю, ты пытаешься сделать, как лучше, но я близок к взрыву, а последнее что нам с тобой нужно, это чтобы Вишес пришел за мной, потому что я тебе нагрубил. Я понял твою точку зрения...

– Посмотри на свою руку.

Он посмотрел вниз. Кровь стекала по его ладони от большого пальца к запястью и дальше по предплечью. Если бы на нем была футболка с длинным рукавом, эта хрень собралось бы в лужицу в изгибе его локтя, образовав пятно. Но вместо этого она капала на терракотовую плитку.

Голос дока Джейн стал раздражающим, а логика – оскорбительно разумной.

– Ты в шаге от реальной опасности. При твоей работе ты полагаешься лишь на свое тело: именно его физическое состояние стоит между тобой и смертью. Не хочешь разговаривать с Мэри? Ладно. Но тебе придется пойти на некоторые уступки. Порез должен был затянуться сразу. Но этого не произошло, и я готова поспорить, что он будет кровоточить в течение следующего часа или около того. – Она покачала головой. – Предлагаю сделку. Роф назначил меня персональным врачом Братства. Ты продолжаешь игнорировать еду, питье и сон, это определенно снижает твою производительность, я сажаю твою задницу на скамью запасных.

Зед пристально смотрел на блестящие красные капли, сочившиеся из ранки. Сливаясь в ручеек шириной в дюйм, они скользили вокруг черной метки раба, вытатуированной на его запястье около двух сотен лет назад. Такая же была на другой руке. И вокруг шеи.

Потянувшись вперед, он оторвал еще один лист бумажного полотенца. Кровь стиралась хорошо, но вот избавиться от того, чем наградила его больная сука Госпожа, было невозможно. Чернила, пропитавшие плоть, служили доказательством того, что он собственность, которую использует хозяин, а не свободный человек.

Из ниоткуда пришла мысль о младенческой коже Наллы, такой невероятно гладкой и совершенной. Каждый замечал, какой нежной она была. Бэллы. Его Братья. Все их шеллан в доме. Они первым делом говорили об этом, когда брали малышку на руки. Потом смеялись, что она похожа на подушечку – так ее хотелось потискать.

– Ты когда-нибудь пробовал удалить их? – мягко спросила док Джейн.

– Их не удалить, – сказал он громко, опустив руку. – В чернилах была соль. Это навсегда.

– Но ты когда-нибудь пытался? Сейчас есть лазеры, которые...

– Я лучше пойду, позабочусь о порезе, чтобы закончить здесь. – Он схватил другое бумажное полотенце. – Мне понадобится немного марли и пластырь...

– У меня в сумке есть. – Она повернулась, чтобы обойти стол. – У меня там все есть...

– Нет, спасибо, я позабочусь об этом сам.

Док Джейн уставилась на него снизу вверх недвусмысленным взглядом.

– Мне наплевать на твою независимость. Но глупости я не потерплю. Все ясно? Твое имя уже нанесено на скамейку.

Если бы она была одним из братьев, он бы обнажил клыки и зашипел на нее. Но он не мог проделать это с доком Джейн, и не только потому, что она была женщиной. Ему нечего было предъявить ей. Она просто высказала объективное медицинское мнение.

– Все ясно? – настаивала она, совершенно не впечатленная его агрессивным видом.

– Ага. Я тебя слышал.

– Хорошо.

– У него кошмары... Боже, эти кошмары...

Бэлла наклонилась и засунула грязный подгузник в мусорную корзину. На обратном пути она вытащила другой Хаггис из-под туалетного столика, достала тальк и детские влажные салфетки. Она обхватила лодыжки Наллы, приподняла маленькую попку своей дочки и, быстро протерев ее, присыпала тальком, а затем натянула свежий подгузник на место.

Голос Фьюри, раздавшийся в детской, был тихим:

– Кошмары о рабстве крови?

– Должно быть. – Она опустила чистую попку Наллы и закрепила подгузник с двух сторон. – Он не хочет говорить мне об этом.

– Он ест? Кормится?

Застегивая пуговицы на одежке Наллы, Бэлла покачала головой. Эта распашонка была пастельно-розовой с аппликацией в виде белого черепа и скрещенных под ним косточек.

– Немного еды и никакого питания. Как будто... не знаю. В день, когда она родилась, он казался изумленным, заинтересованным, счастливым. Но потом словно выключатель щелкнул, и он закрылся. Это почти так же плохо, как было вначале. – Она пристально посмотрела вниз, на Наллу, поглаживавшую рисунок на своей маленькой груди. – Прости, что попросила тебя вернуться... Я просто не знаю, что делать.

– Я рад, что ты это сделала. Я всегда готов прийти вам на помощь, ты же знаешь.

Бережно убаюкивая Наллу на своем плече, она обернулась. Фьюри стоял облокотившись на кремовую стену детской, его огромное тело закрывало узор ручной росписи из зайчиков, белочек и оленей.

– Я не хочу ставить тебя в неловкое положение. Или по пустякам отрывать от Кормии.

– Ты этого не делаешь. – Он покачал головой, разноцветные волосы блеснули. – Если я молчу, это потому что я пытаюсь придумать, что лучше сделать. Разговор с ним не всегда правильное решение.

– Верно. Но у меня кончились и идеи, и терпение.

Бэлла подошла и, сев в качалку, чуть передвинула малышку в своих руках.

Сияющие желтые глазки Наллы смотрели вверх с маленького ангельского личика, понимание скользило во взгляде. Она точно знала, кто был с ней... и кого не было. В первый раз это случилось около недели назад. И изменило все.

– Он не хочет прикасаться к ней, Фьюри. Он даже не хочет брать ее на руки.

– Ты серьезно?

Из-за слез личико дочери начало расплываться.

– Черт, когда же кончится эта послеродовая депрессия? У меня все из рук валится.

– Подожди, ни разу? Он не доставал ее из кровати или...

– Он не дотрагивается до нее. Черт, можешь передать мне хренов платок. – Когда коробка с Клинексами появилась рядом, она оторвала один и промокнула глаза. – Я запуталась. Все о чем я могу думать – это Налла, проживающая всю свою жизнь с вопросом:

почему отец не любит ее? – Она мягко выругалась новому потоку слез. – Ладно, это уже смешно.

– Это не смешно, – сказал он. – Правда, совсем не смешно.

Фьюри опустил на колени, продолжая держать носовые платки поближе к ней. К абсурдности ситуации Бэлла вдруг заметила, что на коробке была изображена аллея из лиственных деревьев с красивой земляной дорогой, тянувшейся куда-то вдаль. На другой стороне были нарисованы цветущие кусты с малиновыми цветами, из-за которых клены выглядели так, словно были одеты в тюлевые балетные юбки.

Она представила прогулку вниз по этой дороге... в место, которое было бы намного лучше того, где она находилась сейчас.

Она взяла новый бумажный платок.

– Дело в том, что я выросла без отца, но у меня, по крайней мере, был Ривендж. Я не могу даже представить, каково это: иметь отца, который жив, но мертв для тебя. – С тихим воркующим звуком Налла широко зевнула и засопела, потирая свое личико кулачками. – Посмотри на нее. Она так невинна. И она так отвечает на любовь, так... в смысле... о, ради бога, мне нужен целый запас Клинекса.

С отвратительным звуком она вытянула из коробки очередной носовой платок. Вытирая слезы, она старалась не смотреть на Фьюри, поэтому стала оглядывать яркую комнату, служившую до рождения гардеробной. Но теперь все в ней было для малышки и ее семьи: сосновая кресло-качалка, которую Фритц сделал своими руками, такой же туалетный столик и колыбелька, украшенная разноцветными бантами.

Когда ее взгляд упал на низкий шкаф с большими, толстыми книгами, она почувствовала себя еще хуже. Они с Братьями читали Налле, усаживали малышку на колени, раскрывали блестящие обложки и произносили вслух рифмующиеся строчки.

Но этого никогда не делал ее отец, хотя Зед научился читать почти год назад.

– Он даже не обращается к ней как к своей дочери. Это моя дочь. Для него, она моя, не наша.

Фьюри издал звук, полный отвращения.

– К твоему сведению, я изо всех сил пытаюсь сопротивляться желанию поколотить его прямо сейчас.

– Это не его вина. В смысле, после всего, через что он прошел... Полагаю, этого следовало ожидать... – Она откашлялась. – Я имею в виду, вся эта беременность не была запланирована, и я начинаю думать... может, он недоволен мной и сожалеет о ней?

– Ты его чудо. Ты же знаешь об этом.

Она взяла еще бумажных платков и покачала головой.

– Но теперь это касается не только меня. И я не буду растить ее здесь, если он не сможет принять нас обеих... я оставлю его.

– Эй, я думаю, это слишком опрометчиво...

– Она начинает узнавать людей, Фьюри. Она начинает понимать, что от нее отгораживаются. И у него было три месяца, чтобы примириться с мыслью об отцовстве. Со временем ему становиться все хуже, не лучше.

Фьюри выругался, и она посмотрела в светящиеся желтые глаза близнеца своего хеллрена. Боже, этот цитриновый цвет, которым светился и взгляд ее дочери, был так прекрасен, что она не могла смотреть на Наллу, не думая о ее отце. И все же...

– Серьезно, – сказала она. – Во что это превратится через год? Самое страшное одиночество – это спать с рядом с тем, по кому скучаешь так, словно он умер. Или иметь такого в качестве отца.

Налла потянулась своей пухлой ручкой и ухватила за один из бумажных платков.

– Я не знал, что ты здесь.

Бэлла бросила взгляд на дверь. Там стоял Зейдист: на подносе в его руках был салат и кувшин лимонада. Левая рука была обмотана белым бинтом, а на лице застыло

выражение «даже не думай спрашивать».

Возвышаясь там, на пороге детской, он был таким, каким она его полюбила, тем, за кого позже вышла замуж: гигантский мужчина с короткой стрижкой и шрамом, пересекавшим лицо, метками раба на запястьях и шее и кольцами в сосках, которые проглядывали через его тесную черную футболку.

Она вспомнила, как впервые увидела его, колотившего боксерскую грушу там, внизу, в учебном центре. Его ноги двигались с невероятной скоростью, кулаки летали быстрее, чем могли уследить глаза, а мешок отскакивал назад при каждом ударе. А потом, не останавливаясь ни на секунду, он вынул черный кинжал из своей нагрудной кобуры и ударил то, что избивал, разрезая лезвием кожаную плоть груши так, что наполнитель выпадал наружу словно внутренние органы лессера.

Позже она узнала, что в нем жил не только жестокий воин. Эти руки могли быть необыкновенно добрыми. А это лицо с изуродованной верхней губой могло освещаться улыбкой и любовью.

– Я пришел повидать Рофа, – сказал Фьюри, вставая на ноги.

Глаза Зеда метнулись к коробке Клинексов, которую держал его близнец, затем взгляд устремился на комок бумажных салфеток в руках Бэллы.

– Повидать Рофа, значит.

Войдя и поставив поднос на комод, где они хранили одежду Наллы, он даже не взглянул на свою дочь. Она, однако, поняла, что он был в комнате. Малышка повернула свое личико в его направлении: ее несфокусированный взгляд умолял, пухленькие маленькие ручки тянулись к нему.

Зед отступил назад в коридор.

– Приятно провести время с Рофом. Я уйду на охоту.

– Я провожу тебя до двери, – сказал Фьюри.

– Нет времени. До скорого. – Глаза Зеда на мгновение обратились к Бэлле. – Я люблю тебя.

Бэлла прижала Наллу ближе к сердцу.

– Я тоже тебя люблю. Будь осторожен.

Он кивнул, а затем вышел.

Глава 2

Проснувшись в панике, Зейдист попытался успокоить дыхание и определить, где находится, но глаза не слишком-то помогли в этом. Везде была темнота... он был завернут в плотный холодный мрак и, как сильно не напрягал свое зрение, не мог разглядеть хоть что-то сквозь него. Был ли он в спальне? На поле боя? В темнице?..

Он просыпался так много, много раз. На протяжении ста лет, будучи рабом крови, он часто просыпался в темноте, пронизанной паникой, и гадал, кто и что сделают с ним. После освобождения? Кошмары приводили к тому же.

Оба варианта были хреновыми. Когда он жил как собственность Госпожи, беспокойство о том «кто?», «что?» и «когда?» не спасало его. Надругательства были неизбежны: лежал ли он лицом вверх или вниз на своей кровати, его использовали до тех пор, пока она и ее жеребцы не были удовлетворены; потом он оставался один в своей тюрьме, разрушенный и грязный.

А теперь, со снами? Пробуждения в том ужасе, который он испытывал, будучи рабом, лишь предавали сил кошмарам прошлого, которые его сознание с такой настойчивостью пыталось оживить.

По крайней мере... он думал, что видел сны.

Настоящая паника овладевала им, когда он начинал гадать, какая именно темнота овладела им. Была ли это темнота тюремной камеры? Или темнота их с Бэллой спальни?

Он не знал. Обе выглядели одинаково: не существовало никаких видимых намеков, только звук колотившегося сердца стоял в его ушах.

Решение? Он пытался подвигать руками и ногами. Если они не были скованны, если не были зажаты кандалами, значит, разум снова поймал его в свой удушающий захват, протягивая прошлое через кладбище грязных воспоминаний и хватая костлявыми руками. До тех пор, пока он мог передвигать руками и ногами сквозь пространство чистых простыней, он был в порядке. Верно. Двигать руками и ногами. Его руки. Его ноги. Должны двигаться. Двигаться.

О, Боже... будь ты проклят, двигайся. Конечности даже не шевельнулись, и в парализованное тело когтями вцепилась правда, разрывая его на куски. Он был в сырой мрачной темнице Госпожи, лежал на спине закованный цепями, толстые железные наручники удерживали его на кровати. Она и ее любовники придут снова, будут делать с ним все, что захотят, загрязняя кожу, портя его изнутри.

Он застонал – жалобный звук завибрировал в груди, разрывая рот, словно это освобождало его из тела. Бэлла была сном. Он жил в кошмаре.

Бэлла была сном...

Из лестничного пролета, что спускался от спальни Госпожи, слышались приближавшиеся шаги, звук которых, отражаясь эхом, становился все громче. По каменным ступеням спускался не один человек...

Объятые животным ужасом его мышцы вцепились в скелет и рванули прочь, отчаянно борясь, чтобы избавиться от грязных связей с той плотью, что будут ласкать, использовать, в которую будут вторгаться. Пот катился с лица, живот скрутило, желчь промаршировала вверх, атакуя пищевод и основание языка...

Кто-то плакал.

Нет... подвывал.

Детский плач доносился из дальнего угла темницы.

Он замер, гадая, как ребенок мог оказаться здесь. Отпрысков у Госпожи не было, и за все то время, что владела им, беременной она не была.

Нет... подождите... это он принес малышку сюда. Это плакала его дочь... А Госпожа найдет младенца. Она обнаружит ребенка иО, Боже.

Это была его вина. Он принес малышку сюда.

Унести ребенка. Забрать малышку...

Зед сжал руки в кулаки и изо всех сил ударил локтем по кровати, на которой лежал. Сила шла не от тела – она была рождена его волей. Яростный рывок... не дал абсолютно ничего. Оковы врезались в запястья и лодыжки, добирались до самых костей, рассекая кожу так, что кровь смешивалась с холодным потом.

Дверь открылась, малышка плакала, и он не мог ее спасти. Госпожа пришла, чтобы...

Разлившийся свет стремительно вернул его в настоящее.

Он соскочил с супружеской постели, словно его преследовали гончие, и встал в боевую стойку: кулаки у груди, напряженные плечи превратились в стальные узлы, ноги готовы к прыжку.

Бэлла медленно отошла от лампы, которую включила, словно боясь спугнуть его.

Он оглядел спальню. Все здесь было как обычно – никаких врагов, но он опять всех перебудил. В углу Налла плакала в своей колыбельке, и он снова до смерти напугал свою шеллан, выбив из нее всю любовь к нему. В очередной раз.

Никакой Госпожи. Никого из ее слуг. Ни темницы, ни цепей, растянувших его на той кровати.

Ни малышки в его темнице.

Бэлла выскользнула из кровати и подошла к колыбели, взяв на руки покрасневшую, кричащую Наллу. Дочка, однако, совсем не ощутила предложенного ей утешения. Малышка тянула свои пухлые ручки прямо к Зейдисту, отчаянно плача

струящимися слезами по своему отцу. Бэлла подождала какое-то время, словно надеясь, что на этот раз все будет по-другому: он подойдет и возьмет ребенка на руки, утешит малышку, которая так явно хочет его.

Зед откинулся назад, ударившись лопатками об стену, и обхватил грудь руками.

Бэлла отвернулась и зашептала что-то на ушко своей прелестной дочке, выходя из прилежавшую детскую. Закрывшаяся дверь приглушила хныканье малышки. Зед позволил себе соскользнуть по стене вниз, пока зад не ударился об пол.

– Твою мать.

Он потер свой бритый череп, а затем опустил обе руки на колени. Через мгновение он понял, что сидел так, словно вернулся обратно в темницу: прислонившись спиной к углу, лицом к двери, колени вверх, обнаженное тело сотрясает дрожь. Он посмотрел на метки раба вокруг своих запястий. Чернота в его коже была такой густой, такой плотной, словно образовывала железные оковы, которые он когда-то носил.

Одному Богу известно, сколько прошло времени до того момента, как дверь детской открылась, впуслав обратно Бэллу с малышкой. Налла снова заснула, и Бэлла положила ее обратно в колыбельку с такой заботой, будто девочка была бомбой, готовой взорваться в любой момент.

– Прости меня, – тихо сказал он, потирая запястья.

Надев халат, Бэлла направилась к двери, ведущей в коридор. Когда ее ладонь легла на ручку, она оглянулась и посмотрела на него. Казалось, она находится на другой планете.

– Я больше не могу говорить, что все в порядке.

– Я, правда, сожалею о кошмарах...

– Я говорю о Налле. Я не могу больше претворяться, что твое отношение к ней – это нормально... что я все понимаю, все изменится к лучшему и я буду терпеливой. Дело в том, что она твой ребенок в той же степени, что и мой, и я не могу больше смотреть, как ты отдаляешься от нее. Я знаю, через что ты прошел, и не хочу быть жестокой, но... для меня все изменилось. Я должна думать о том, что лучше для нее, а отец, который даже не хочет прикоснуться к ней? Это не то.

Зед разогнул руки и уставился на ладони, пытаясь представить себе, как обнимает малышку.

Метки раба казались ему огромными. Огромными... и заразными.

«Правильное слово не «не хочет», – подумал он, – а «не может»».

Но если бы он успокоил Наллу, поиграл бы с ней и почитал бы ей, это означало бы что, он стал для нее отцом, а ведь его наследие не стоило передавать ребенку. Бэлла родила дочь, достойную большего.

– Мне нужно, чтобы ты решил, что хочешь делать, – сказала Бэлла. – Если ты не можешь быть ее отцом, я уйду от тебя. Я знаю, это звучит жестоко, но... я должна думать о том, что лучше для нее. Я люблю тебя и всегда буду любить, но речь уже не обо мне.

На мгновение ему показалось, что он неправильно ее расслышал. Уйдет от него?

Бэлла шагнула в коридор со статуями.

– Пойду принесу чего-нибудь поесть. Не беспокойся о ней – я сейчас вернусь.

Дверь за ней закрылась без малейшего звука.

Около дух часов спустя, когда наступила ночь, Зед все никак не мог забыть ту бесшумно закрывшуюся дверь.

Стоя напротив шкафа, полного черных футболок, кожаных штанов и тяжелых ботинок, он выискивал внутренние стремления, гонясь за ними по лабиринту собственных эмоций.

Конечно, он хотел преодолеть загоны, связанные с дочерью. Конечно, хотел.

Просто пересилить это было невозможно: то, что сделали с ним, осталось в

прошлом; но стоило ему взглянуть на свои запястья, увидеть сохранившуюся на них грязь... он не хотел, чтобы Налла находилась в такой близости от этого. В начале их отношений с Бэллой его мучили те же проблемы, но со своей шеллан он смог разрешить их; для малышки же последствия были куда серьезней: Зед стал телесным воплощением той жестокости, что существовала в мире. Он не хотел, чтобы его дочь узнала такие глубины порочности существования, страшился обнажить их последствия.

Твою мать.

Какого черта он будет делать, когда она станет достаточно взрослой, чтобы посмотреть ему в лицо и спросить, откуда у него шрам и как так получилось? Что он будет делать, когда она захочет узнать, почему у него на коже черные полосы? Что ее дядя Фьюри собирается ответить ей, когда она спросит, как он потерял ногу?

Зед натянул футболку, пару кожаных брюк, затем надел на грудь кобуру для кинжалов и открыл шкаф с оружием. Вытащив пару ЗИГ–Зауэров сорокового калибра, он быстро проверил их. Раньше он использовал девятимиллиметровые... черт, раньше он сражался голыми руками, без пистолетов. Однако с того момента, как Бэлла вошла в его жизнь, он стал осторожнее.

Это было второй стороной медали, такой же мерзкой, как и первая. Он убивал, чтобы жить. Это была его работа. Взрослея, Налла будет тревожиться за него каждую ночь. Разве может быть иначе? Бэлла тревожилась.

Он захлопнул шкаф с оружием и, закрыв замок, засунул дуло в набедренную кобуру, потом проверил кинжалы и надел кожаную куртку.

Он оглянулся на колыбельку, в которой все еще спала Налла.

Пушки. Лезвия. Метательные звездочки. Господи, малышка должна быть окружена погремушками и плюшевыми мишками.

По сути, он не был создан для того, чтобы стать отцом. Этого не должно было случиться. Биология, однако, избрала ему эту роль, и теперь все они были прикованы к его прошлому: он не мог ни представить себе жизнь без Бэллы, ни понять, как стать достойным отцом для Наллы.

Нахмурившись, он представил вечеринку, посвященную ее выходу в свет, – такие устраивались для всех женщин глиммеры через год после превращения. Дочь должна была танцевать первый танец со своим отцом – и он увидел Наллу, одетую в струящееся красное платье, ее разноцветные волосы уложены в высокую прическу, на шее рубины... и самого себя с изуродованным лицом, с метками раба, выглядывающими из-под манжет смокинга.

Восхитительно. Адская картина.

Выругавшись, Зед направился в ванную, где Бэлла готовилась к вечеру. Он собирался сказать ей, что вскоре отправится на ночную охоту, а как только вернется, они поговорят. Повернув за угол, он остановился как вкопанный.

В дымке пара, что тянулся из душа, он увидел Бэллу, вытиравшую свое тело. Ее волосы были завернуты в полотенце, длинная шея полностью обнажена, кремовые плечи двигались туда-сюда, быстро работая махровым полотенцем, осушая спину. Ее груди качались, притягивая взгляд, заставляя тело твердеть.

Черт его дер, но смотря на нее, он мог думать только о сексе. Боже, она была прекрасна. Ему нравились округлости, появившиеся во время беременности, но он любил ее и такой, как сейчас. Она быстро похудела после рождения Наллы: живот приобрел прежнюю упругость, бедра восстановили гладкие контуры. Хотя грудь ее стала больше, а соски порозовели, потяжелели.

Член надавил на ширинку кожаных штанов, отчаянно желая вырваться из тюрьмы.

Вслед за телесными изменениями пришло осознание того, что они с Бэллой в последний раз были вместе задолго до рождения малышки. Беременность протекала тяжело, а после Бэлле нужно было время на восстановление. Затем, казалось логичным, в первую очередь окружить заботой младенца.

Он скучал по ней. Хотел ее. Считал, что она самая волнующе эротичная женщина на всей планете.

Бэлла положила халат на тумбу перед зеркалом и взглянула на свое отражение. Гримасничая, она наклонилась вперед и потыкала свои скулы, линию подбородка, под подбородком. Выпрямившись, она насупилась и повернулась боком, втянув живот.

Он откашлялся, чтобы привлечь внимание.

– Я сейчас уйду.

Услышав его голос, Бэлла подобрала халат. Быстро натянула его, завязала пояс и собрала отвороты ближе к горлу.

– Я не знала, что ты здесь.

– Ну... – Эрекция пропала. – Я здесь.

– Ты уходишь? – спросила она, разворачивая полотенце, державшее волосы.

«Она даже не слышала моих слов», – подумал он.

– Да, я собираюсь уходить. Со мной можно будет связаться, в общем, как обычно...

– Будь осторожен. – Она наклонилась и начала протирать волосы – хлопки полотенца громом отдавались у него в ушах.

Хоть она и стояла всего в десяти метрах, он не мог дотянуться до нее. Не мог спросить, почему она закрылась от него – слишком боялся возможного ответа.

– Хорошего вечера, – резко сказал он.

Зед ждал и молился, чтобы она посмотрела на него со слабой улыбкой и подарила поцелуй на дорожку – на ту жестокую войну, куда он отправлялся.

– Тебе тоже. – Она встряхнула волосами и потянулась к фену. – Будь осторожен.

– Буду.

Щелчком Бэлла включила фен и взяла щетку для волос, пытаясь выглядеть занятой, когда Зейдист повернулся и вышел. Удостоверившись, что он ушел, она прекратила притворство, выключила фен и позволила ему упасть на мраморную тумбу.

На душе было скверно, желудку нездоровилось. Посмотрев на себя в зеркало, она вдруг поняла, что хочет чем-нибудь в него запустить.

Они не были вместе с тех пор как... Боже, должно быть, последний раз случился месяцев пять назад – еще до того, как у нее начались проблемы перед родами.

Он больше не думал о ней в сексуальном плане. С тех пор, как появилась Налла. Словно ее рождение убило эту часть их отношений. Теперь он прикасался к ней лишь по-братски – вежливо, участливо.

Со страстью – никогда.

Сначала она решила, что причиной этому была потеря прежней стройности, но за последний месяц ее тело вернулось к былым формам.

По крайней мере, это она так думала. Может, она обманывала саму себя?

Приспустив халат, она распахнула его и повернулась боком, чтобы измерить свой живот. В те времена, когда ее отец был рядом, когда она выросла, наиважнейшей для женщин глимеры являлась худоба. Эту мысль вбили в нее, и даже после его смерти, все эти годы, суровые предупреждения не стать толстой сидели в ней.

Истязая себя, Бэлла затянула пояс потуже.

Да, она хотела, чтобы у Наллы был отец. Это стало ее главной задачей. Но она скучала и по своему хеллрену тоже. Беременность случилась так быстро, что времени на период медового месяца, который позволил бы им просто насладиться обществом друг друга, не оставалось.

Снова взяв фен и щелкнув выключателем, она постаралась не считать дни с того момента, когда он в последний раз прикоснулся к ней как мужчина. Это было так давно, так много времени прошло с тех пор, как он ловил ее сквозь простыни своими большими

горячими руками, будил ее губами, целуя в шею со спины, упираясь возбужденной плотью в бедра.

Правда, она тоже не тянулась к нему. Но она не собиралась получать новую порцию унижений вследствие отказа. Меньше всего ей сейчас было бы нужно оказаться отвергнутой из-за того, что она потеряла для него привлекательность. Материнство и так привело ее на грань нервного срыва, спасибо большое. Неудачу на женском фронте она просто не перенесла бы.

Когда волосы были высушены, она быстро провела по ним щеткой, а затем вышла проверить Наллу. Стоя рядом с колыбелью и глядя на их дочь, она не могла поверить в то, что дело дошло до ультиматумов. Она всегда знала, что проблемы Зеда не иссякнут, учитывая все то, через что ему пришлось пройти, но она никогда не думала, что они не смогут преодолеть их.

Казалось, любви будет достаточно, чтобы справиться со всем.

Но, может быть, одной любви не хватит.

Глава 3

Дом, окруженный разросшимися кустарниками и лохматыми деревьями с пожухшей листвой, располагался за грунтовой дорогой. Его дизайн представлял собой мешанину из различных архитектурных стилей, которые объединяло лишь одно – все они плохо сочетались друг с другом: у дома была крыша коттеджа «Кейп Код», но только сам он был одноэтажным как ранчо; на передней площадке стояли колонны, но вся сторона была отделана пластиком, словно трейлер; строение было похоже на замок, но благородности в нем было как в сломанном мусорном ведре.

О, и он был выкрашен в зеленый цвет. Зеленый как Джолли Грин Джайнт.

Возможно, лет двадцать назад это место было построено городским парнем с плохим вкусом, желавшим начать жизнь в качестве фермера-джентльмена. Сейчас же здание находилось в упадке, за исключением одной вещи: дверь была сделана из сверкающей, свежей как огурчик нержавеющей стали и укреплена так, будто за ней можно было обнаружить психиатрический госпиталь или тюрьму.

Окна были заколочены досками два на шесть.

Зед припал к земле за прогнившим каркасом того, что когда-то было Понтиаком Транс-Амом 92 года, и подождал, пока облака над головой замкнутся и прикроют луну, дав возможность выйти. Рейдж стоял за дубовым стволом прямо через заросшую лужайку и посыпанную галькой дорожку.

За единственным деревом, способным укрыть ублюдка.

Братство обнаружило это место по чистой случайности прошлой ночью. Зед патрулировал хвойный парк под мостами Колдвелла, когда заметил пару убийц, скидывавших в Гудзон тело. Устранение проходило быстро и технично: подъехал неприметный седан, вышли два парня в черных балахонах и прошли к багажнику, потом вытащили за голову и за ноги тело и скинули останки в реку.

Буль-буль, принимаем ванны.

Зед стоял в десяти ярдах вниз по течению и, когда труп проплыл мимо, по гримасе на лице увидел, что это был человеческий мужчина. Обычно это не привело бы ни к каким-либо действиям с его стороны. Если кого-то и отправили к праотцам, его это не касалось.

Но ветер сменил направление и принес ему слабый запах чего-то, похожего на сахарную вату.

А Зед знал только две вещи, пахнувшие подобным образом: старушек и врагов своей расы. Он решил, что вряд ли под теми капюшонами скрывались Бэтти Уайт или Би Артур, игравшие в свой собственный «Клан Сопрано», а значит, наверху было двое лессеров.

Следовательно, ситуация передвигалась на самый верх в списке дел.

Удачно выбрав время, убийцы начали спорить. Пока они, подойдя нос к носу, толкали друг друга, Зед материализовался за ближайший к седану столб. На номерном знаке Импалы было написано «818 NPA». Других пассажиров в машине не было.

В мгновение ока он снова дематериализовался, в этот раз оказавшись на крыше товарного склада, расположенного сбоку от моста. Он ждал на высоте птичьего полета, набирая номер Куина, борясь с порывами ветра, поднимавшимися с задней стороны здания.

Обычно лессеры не убивали людей. С одной стороны, это было лишь тратой времени, потому что не прибавляло им очков в глазах Омеги, а с другой – приносило кучу проблем в случае поимки. Проще говоря, если кто-то увидел бы то, чего не следовало, убийцы не стали бы колебаться и обслужили бы его с королевскими почестями.

Наконец выехав из-под моста, Импала двинулась вправо, прочь от городского центра. Зед сказал что-то в трубку, и секунду спустя черный Хаммер появился как раз там, откуда стартовала лессерская машина.

Куин и Джон Мэтью отдыхали вместе с Блэем в «ЗироСам», но парни всегда были в боевой готовности. Стоило Зеду позвонить, троица сразу же рванула к новой тачке Куина, которая была припаркована в полуторакварталах.

По указаниям Зеда, парни мчались, стремясь перехватить седан. Пока они догоняли автомобиль, Зед, не спуская глаз с убийц, дематериализовывался с крыши на крышу, следя за лессерским куском дерьма, продолжавшим свой путь по берегу реки. Отличная новость: убийцы не выехали на большую дорогу, в противном случае им удалось бы скрыться.

Куин был достаточно опытен за рулем, и, когда Хаммер надежно сел на хвост спортивной тачке, Зед перестал строить из себя Человека-паука и позволил парням выполнять свою работу. Спустя десять миль их догнал Рейдж на своем ГТО – так шансы поймать лессеров значительно увеличивались.

Перед самым рассветом Рейдж следом за ними приехал в это место. Но восход был слишком близко, так что о проникновении не могла быть и речи.

А сегодня вечером все закончиться. Время "Ч".

Какой сюрприз: Импала неплохо устроилась на подъездной дорожке. Когда облака наконец сошлись, Зед кивнул Голливуду, и они одновременно материализовались по разные стороны от входной двери. До них доносились тихие споры, те же голоса, что Зед слышал у Гудзона прошлой ночью. Очевидно, парочка убийц до сих пор спорила об одном и том же.

Три, два... один...

Рейдж распахнул дверь в дом, пнув фигню так сильно, что его ботинок оставил вмятину на металлической панели. Два лессера в коридоре резко обернулись, но Зед не оставил им шанса на ответные действия. Направив дула своих ЗИГ-Зауэров, он пальнул обоим прямо в грудь – силой выстрела парочку отбросило назад.

Рейдж приступил к работе с кинжалами, прыгнув вперед и пронзив сначала одного, затем второго. Когда вспышки белого света и хлопки исчезли, брат поднялся на ноги и застыл словно камень.

Ни Зед, ни Рейдж не двигались. С помощью инстинктов они сканировали тишину в доме в поисках чего-то, указывающего на чужое присутствие.

Стон, раздавшийся в полном безмолвии, послышался из задней части дома, и Зед быстро двинулся на звук, держа дуло наготове. Подвальная дверь на кухне была открыта, и он материализовался слева от нее. Быстро высунул голову и бегло осмотрел лестницу. Оголенная лампочка свисала с красно-черных проводов, но в лужицу света попадал лишь грязный настил из досок.

Зед мысленно выключил лампочку. Рейдж прикрывал его с лестницы, и он, избегая хлипких ступенек, дематериализовался прямо в темноту.

Внизу он почувствовал запах свежей крови и услышал слева отрывистый звук стучащих зубов.

Он снова зажег свет в подвале... и его дыхание мгновенно сбилось.

Гражданский вампир был привязан за руки и за ноги к столу. Он был полностью раздет и покрыт кровоподтеками. Вместо того чтобы посмотреть на Зед, он крепко зажмурил глаза, будто не мог смотреть на то, что надвигалось.

Какое-то время Зед не двигался с места. Это был его личный кошмар наяву, а ощущение реальности стало настолько туманным, что он не мог сказать точно, был ли он привязанным к столу или же пришедшим на помощь.

– Зед? – раздался голос Рейджа сверху. – Ну что там?

Зед выпрямился и прочистил горло.

– Я на месте.

Приблизившись к гражданскому, он мягко произнес на Древнем языке:

– Расслабься.

Вампир вскинул голову, глаза его распахнулись. Сначала в них сквозило неверие, потом появилось изумление.

– Расслабься. – Зед еще раз проверил углы подвала, его взгляд проникал сквозь тени, выискивая намеки на систему безопасности. Но он видел лишь бетонные стены и деревянный пол, наряду со старыми трубами и электропроводкой на потолке. Ни каких камер или искрящихся источников питания.

Одному Богу было известно, как долго они еще пробудут одни, без надзора.

– Рейдж, все еще чисто? – крикнул он в лестничный проем.

– Чисто!

– Здесь гражданский. – Зед оценил состояние мужчины. Он был избит, и, хотя открытых ран не наблюдалось, не стоило даже заикаться о том, сможет ли он дематериализоваться. – Позвони парням, нам нужен транспорт.

– Уже позвонил.

Зед шагнул вперед...

Расколовшись, пол треснул под его ногами.

Сила тяжести крепко вцепилась в него жадными руками, и он полетел в свободном падении. Думал он лишь о Бэлле. В зависимости от того, что лежало внизу, это могли быть...

Он приземлился на что-то, разбившееся при столкновении: осколки этого вспороли его кожаные штаны и впились в руки, прежде чем отскочить и попасть в лицо и шею. Он продолжал держать оружие, потому что его так учили, и потому, что вспышка боли скрутила его с головы до пят.

Потребовалось несколько глубоких вдохов, чтобы перезагрузить мозги и попытаться оценить ущерб.

Он медленно сел, и звонкий треск стеклянных соколов, упавших на пол, эхом раздался около него. В круге света, падающего сверху, он увидел, что сидит окруженный блеском сверкающего хрусталя...

Он упал на люстру размером с кровать.

А его левый ботинок был повернут в обратную сторону.

– Едрена. Кочерыжка.

В сломанной ноге начала пульсировать боль, приводя его к мысли, что, если бы он не посмотрел на нее, то и вовсе не почувствовал бы.

Лицо Рейджа показалось в оправе дыры с неровными краями.

– Ты как?

– Освободи гражданского.

– Ты в порядке?

– Нога ранена.

– Как ранена?

– Ну, я смотрю на каблук своего ботинка и коленную чашечку одновременно. И высока вероятность, что меня стошнит. – Он с трудом сглотнул, пытаясь убедить свой рвотный рефлекс утихнуть. – Освободи гражданского, а потом будем думать, как вытащить меня отсюда. О, и обращай внимание на гвозди в полу. Очевидно, доски непрочны.

Рейдж кивнул, а затем испарился. Тяжелые шаги над головой вызвали волны пыли, спускающейся вниз. Зед потянулся к куртке и вытащил Маглайт. Эта штука была размером с палец, но светила сильно как автомобильная фара.

С помощью фонаря он осмотрел помещение, и проблема с ногой стала беспокоить его немного меньше.

– Какого... черта?

Он словно попал в египетскую гробницу. Комната размером сорок на сорок была заставлена разными предметами, поблескивавшими в свете фонарика: масляные картины в позолоченных рамах, серебряные канделябры, украшенные драгоценностями статуи, столовое серебро. Посреди комнаты стояли коробки, скорее всего, наполненные украшениями, там же выстроились в ряд пятнадцать металлических кейсов, в которых наверняка была куча денег.

Хранилище мародеров, набитое тем, что они захватили во время налетов прошлым летом. Все это дерьмо принадлежало глимере – он даже узнал лица на нескольких портретах.

Куча ценностей прямо здесь. И кто бы мог подумать? Справа, ближе к утрамбованному земляному полу, начала мигать красная лампочка. Его падение врубilo систему сигнализации.

Снова показалась голова Рейджа.

– Гражданский свободен, но не способен дематериализоваться. Куин меньше чем в полумиле отсюда. На чем ты, блин, сидишь?

– На люстре, и это еще не все. Слушай, у нас скоро будет компания. Здесь установлена сигнализация, и я ее врубил.

– Рядом с тобой есть лестница?

Зед вытер пот со лба – эта хрень оказалась холодной и сальной, покрыв обратную сторону его окровавленной руки. Он осмотрелся вокруг, и покачал головой.

– Не вижу ни одной, но как-то же они засунули сюда добычу, и я чертовски уверен, что не через этот пол.

Голова Рейджа взметнулась, брат нахмурился. Звук вынимаемого кинжала был подобен металлическому вздоху предвкушения.

– Это либо Куин, либо убийцы. Уберись подальше от света, пока я не разберусь.

Голливуд исчез из дыры в полу, его шаги стали тихими словно шепот.

Зед был вынужден убрать оружие в кобуру. Потом отбросить несколько осколков стекла во мрак. Оторвав зад от земли, он напряг здоровую ногу и пополз в темноту, направляясь в сторону сигнальной лампочки. Он прижался спиной к той штуковине, потому что здесь было единственное свободное место среди нагромождения предметов искусства и серебра.

Тишина наверху сохранялась, и он понял, что гостями были не Куин с парнями. И, тем не менее, звуков боя слышно не было.

Но потом дела пошли из рук вон плохо.

«Стена», к которой он прислонился, отодвинулась, и он упал на спину... прямо под ноги двум бледноволосым взбешенным лессерам.

Глава 4

В материнстве было много всего замечательного.

Например, держать свою малышку на руках, убаюкивая ее, чтобы она скорее заснула. Или складывать ее крохотную одежку. Или кормить ее. А также смотреть в ее глаза, полные радости и удивления, после крепкого сна.

Бэлла поерзала в кресле-качалке, стоявшей в детской, заправила одеяло под подбородок дочери и погладила щечку Наллы.

А вот не таким уж и замечательным следствием материнства стала усилившаяся женская интуиция.

Находясь под надежной крышей особняка Братства, она знала наверняка: что-то было не так. Будучи здоровой и в полной безопасности, в детской, которая, казалось, сошла с картинки, иллюстрирующей журнальную статью «Здесь живет идеальная семья», она все равно не могла отделаться от ощущения, что в комнате стоит душок, похожий на вонь сдохшего сунса. Налла тоже чувствовала это. Малышка была необычайно тихой и напряженной, ее желтые глаза были сфокусированы в одной точке, словно она ожидала, что вот-вот случится взрыв.

Конечно, все эти проблемы с интуицией, были ли они связаны с материнством или нет, представляли собой историю без слов и вне временного пространства. Это подготавливало тебя к плохим новостям, но беспокойство все равно не сопровождалось никакими существительными или глаголами, не имело никаких отметок дата/время. И вот пока ты сидишь, окруженная ужасом, который вливается в тебя, словно холодная и мокрая тряпка, прижатая к шее, твой мозг пытается рационализировать ощущения, считая это наилучшим выходом. Может быть, это Первая Трапеза еще не улеглась в желудке. Или это просто беспричинное беспокойство?

Возможно...

Проклятье, а что если этот миксер в ее животе – вовсе не интуиция? Может, это принятое решение, которое пока не улеглось в желудке.

Да, весьма вероятно, что дело было именно в этом. После всей дерготни, надежд, беспокойств, попыток найти решение их с Зедом проблем, она должна рассуждать здраво. Она пошла против него... но в ответ не последовало почти никакой реакции.

Никаких «я хочу, чтобы вы остались», даже без «я поработаю над этим».

Он лишь ушел на поле боя.

Что было в своем роде ответом, так ведь?

Оглядывая детскую, она отмечала то, что ей предстоит взять с собой... немного – только две сумки: одну для Наллы, одну для себя. Она с легкостью достанет другую корзину для использованных подгузников, колыбельку, пеленальный столик...

Куда ей идти?

Самым простым решением был один из домов ее брата. У Ривенджа их было несколько, а ей стоило лишь попросить. Черт, какая ирония. Она так боролась за свободу, а теперь раздумывала, не вернуться ли обратно.

Не раздумывала. Решала.

Бэлла наклонилась в бок, достала из кармана джинсов мобильный и набрала номер Рива.

После второго гудка ей ответил знакомый низкий голос:

– Бэлла?

На заднем фоне слышался рев музыки и разговоры людей, доносились звуки, обычно сопровождающие переполненное помещение.

– Привет.

– Алло? Бэлла? Подожди, я пройду в свой офис. – После долгой шумной паузы, грохот внезапно стих.

– Эй, как ты и твое маленькое чудо поживаете?

– Мне нужно место, куда я могу переехать.

Тишина. Потом ее брат спросил:

– Для двоих или для троих?

– Для двоих.

Еще одна длинная пауза.

– Мне нужно убить этого тупого ублюдка?

Холодный злой голос немного напугал ее, напомнив о том, что ее дорогой брат был не из тех мужчин, которых стоило бы злить.

– Боже, нет.

– Говори, сестра моя. Расскажи мне, что происходит.

Смерть – это черная посылка, которая, приходя разным людям, бывает разных форм, размеров и разного веса. Но все же, обнаружив ее у парадного входа, ты наверняка знаешь отправителя – тебе даже не надо проверять адресанта или вскрывать коробку.

Ты просто знаешь.

Развалившись на пути у двух лессеров, Зед понял, что его посылка прибыла. Единственной мыслью, оставшейся в его голове, было осознание того, что он пока не готов принять присланное.

Впрочем, это не та вещь, от которой можно отказаться.

Стоя над ним в слабом сиянии какого-то света, лессеры замерил, словно он был последним, что они ожидали встретить на своем пути. А потом они достали пушки.

Напоследок Зед не сказал ни слова; он увидел лишь картинку, которая полностью затмила два дула, нацеленные в его голову. Он увидел Бэллу с Наллой в кресле-качалке в детской. Это не было воспоминанием о прошлой ночи: о носовых платках, красных воспаленных глазах и мрачном близнеце. Нет, это была картина двухнедельной давности: Бэлла сидела и смотрела на малышку с любовью и нежностью. Почувствовав, что он стоит на пороге, она подняла глаза, и на какое-то время эта любовь в ее взгляде окутала и его.

Прозвучали два выстрела, но к его удивлению единственной болью, которую он почувствовал, стало жжение в ушах от пронзительного звука.

Два последовавших шлепка отдались эхом от украденных богатств.

Зед поднял голову. Куин и Рейдж стояли прямо позади лессеров, опуская пистолеты. С ними были и Блэй с Джоном Мэтью также со взведенными курками.

– Ты в порядке? – спросил Рейдж.

Нет. Одно большое жирное волосатое «нет».

– Да. Да, я в норме.

– Блэй, назад в туннель со мной, – сказал Рейдж. – Джон и Куин, остаетесь с ним.

Зед снова опустил голову на пол, прислушиваясь к звукам удалявшихся шагов. В последовавшей зловещей тишине на него накатила волна тошноты, и каждый дюйм его тела начало трясти; он поднес руки к лицу и понял, что они дрожат, словно флаги на ветру.

Джон дотронулся до него, и Зед подскочил от неожиданности.

– Я в порядке... я в порядке...

Джон показал: «Мы вытащим тебя отсюда».

– Откуда... – Он откашлялся. – Откуда мне знать, что это происходит на самом деле? «Прости? Откуда тебе...?».

Зейдист ощупал лоб, словно пытаясь проткнуть то место, куда целились убийцы.

– Откуда мне знать, что все это – настоящее? А не... Откуда мне знать, что я не умер?

Джон оглянулся на Куина, словно не знал, что сказать в ответ и искал поддержки. Потом с силой ударил себя в груди. «Я знаю, что я здесь».

Куин наклонился и сделал то же самое – глубокий низкий звук родился в его груди:

– Я тоже.

Зейдист снова опустил голову, тело словно пыталось выбраться из кожи, и он чувствовал себя так, будто танцует чечетку на твердом полу.

– Я не знаю... реально ли все это... о, черт...

Джон уставился на него, словно пытаясь оценить растущее возбуждение и понять, что же, черт возьми, с ним делать.

Внезапно парень потянулся вниз к вывернутому ботинку Зеда и с силой рванул ногу.

Зед резко сел и рывкнул:

– Ах ты мудила!

Но это было хорошо. Боль сработала как метла, вычистившая мозг, убравшая паутину обмана, оставляя лишь сфокусированную, детальную ясность. Он был очень даже жив. И правда.

Сразу за этой мыслью пришло воспоминание о Бэлле. И Налле.

Ему нужно связаться с ними.

Он подвинулся на бок, чтобы достать свой телефон, но в глазах сразу же потемнело от того, что он при этом сделал со своей ногой.

– Черт.

– Ты можешь достать мой телефон? Из заднего кармана?

Джон аккуратно перевернул его, достал Рэйзер и протянул его Зеду.

– Так ты думаешь, что больше ничего нельзя сделать? – спросил Рив.

В ответ на вопрос брата Бэлла покачала головой, но вдруг поняла, что он ее не видит.

– Нет, думаю, ничего. По крайней мере, в ближайшем будущем.

– Черт. Ну, я всегда с тобой, ты же знаешь. Ты хочешь остановиться у мамэн?

– Нет. В смысле, я, конечно, рада ее ночным визитам, но я бы предпочла собственный дом.

– Потому что ты надеешься, что он придет за тобой.

– Он не придет. На этот раз все по-другому. Налла... изменила все.

Малышка засопела и глубже уткнулась в свой любимый уголок между плечом и грудью. Зажав телефон щекой, Бэлла погладила мягкий пушок на голове дочери. Локоны, когда вырастут, станут разноцветными: светлыми, рыжими и коричневыми – такими, какими были бы у ее отца, если бы он не брил их.

Рив грубовато рассмеялся, и она спросила:

– Что?

– После всех этих лет бесконечных попыток удержать тебя у меня дома, я не хочу, чтобы ты покидала особняк Братства. На самом деле, нет места безопаснее... Но да, у меня есть дом на Гудзоне. Там рядом живет моя подруга. Место не особо роскошное, но дома связывает туннель, и она присмотрит за тобой.

Он дал ей адрес, и Бэлла прошептала:

– Спасибо. Я соберу кое-какие вещи, и Фритц привезет меня туда через час.

– Я сейчас же займусь заполнением холодильника.

Телефон звякнул, оповестив о пришедшем сообщении.

– Спасибо тебе.

– Ты сказала ему?

– Зед знает, что это случится. И нет, я не буду препятствовать их с Наллой встречам, но он должен будет сделать этот выбор самостоятельно, он должен будет сам прийти к ней.

– А что насчет тебя?

– Я люблю его... но мне, правда, очень тяжело.

Почти сразу после этих слов они закончили разговор, и Бэлла, оторвав телефон от уха, увидела, что сообщение пришло от Зеда.

МНЕ ЖАЛЬ. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. ПОЖАЛУЙСТА, ПРОСТИ МЕНЯ – НЕ МОГУ ЖИТЬ БЕЗ ТЕБЯ.

Закусив губу, она яростно заморгала. А потом ответила ему.

Глава 5

Зед уставился на экран мобильного, надеясь на ответ Бэллы. Он бы позвонил, но голос его так сильно дрожал, что ему не хотелось напугать ее. К тому же, ввязываться в серьезные эмоциональный разборки было не слишком хорошей идеей – он лежал на полу лессерской собственности со сломанной ногой.

Из туннеля вышли Рейдж и Блэй.

– ... вот почему они не вошли в дом, – говорил Рейдж. – Попасть в эту складскую ячейку можно только через ангар сзади. Сначала они проверяли системы безопасности: очевидно, сильнее волновались насчет проникновения.

Зед откашлялся и неровно произнес:

– Сигнализация все еще мигает. Она не отрубилась, более того...

Рейдж прицелился в красный огонек, нажал на курок – и маячок превратился в пыль.

– Может быть, это подействует.

– Умеешь ты работать с техникой, Голливуд, – пробормотал Зед. – Лучший друг Билла Гейтса.

– Неважно. Нам нужно вытащить отсюда вас с гражданским...

Телефон Зеда завибрировал и, задержав дыхание, он открыл крышку, чтобы увидеть смс Бэллы. Прочитав ее дважды, он крепко зажмурил глаза и захлопнул мобильник. О, Боже... нет.

Оттолкнувшись от грязного пола, он попытался встать на ноги. Вспышка боли, охватившая ногу, помогла ему отвлечься от вида крови, лужицей растекшейся под ним.

– Какого хрена...

– ...ты...

– ...делаешь...

Джон жестами показал тоже, что произнесли остальные трое: «Что ты делаешь?».

– Мне нужно домой. – Дематериализоваться не получится из-за его ноги. Раз даже от ее вида его начинало подташнивать. – Мне нужно...

Перед изуродованным лицом Зеда появились идеально прекрасные черты Голливуда.

– Может, ты просто расслабишься? У тебя шок...

Зед схватил брата за предплечье и сжал его, чтобы тот заткнулся. Он мягко объяснил ситуацию, на что Рейджу оставалось лишь безмолвно моргать.

Через секунду Голливуд тихо произнес:

– Все равно есть проблема. У тебя открытый перелом, брат мой. Я обещаю, мы привезем тебя домой, но сначала нужно показать тебя доктору. Смерть – это не то, что тебе нужно, сечешь?

Когда внезапно из ниоткуда налетела волна головокружения, Зед понял, что в словах брата был смысл. Ну да и хрен с ним.

– Домой. Я хочу...

Его тело рухнуло. Свалилось как карточный домик.

Рейдж поймал его и обернулся к парням.

– Вы двое, выносите его из туннеля. Давайте, шевелитесь. Я прикрою.

Зейдист заворчал, когда другие руки подхватили его и потащили прочь, словно тушу сбитого на дороге оленя. Боль была ошеломляющей – сердце бешено стучало, а кожу покалывало, но это было хорошо. Ему было необходимо физическое проявление эмоций, запертых в самой середине груди.

Длинной туннель был примерно в пятьдесят ярдов, высота же оставляла желать лучшего – только у хоббита над головой оставалось бы свободное пространство. Так что

путешествие наружу стало почти таким же веселым, как рождение на свет. Куин и Джон, нагнувшись, с трудом удерживали его, протискиваясь между стенами в попытках скорее унести ноги – двое взрослых в туннеле, сделанном словно для ребенка. Каждая клеточка тела Зеда звенела, а в ноге будто бил колокол. Единственным, что удерживало его в сознании, была смс Бэллы:

ПРОСТИ. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, НО НАМ С НЕЙ НУЖНО УЙТИ. Я ПРИШЛЮ ТЕБЕ АДРЕС ПОЗЖЕ, КОГДА МЫ УСТРОИМСЯ.

Воздух на улице был холодным, и Зед с силой втянул его в легкие, надеясь, что тот остудит желудок. Его отнесли прямо к Хаммеру, положив на заднее сидение рядом с потерявшим сознание гражданским. Когда Джон, Куин и Блэй забрались внутрь, возникла небольшая задержка в стиле «торопись, но подожди».

Наконец из дома выскочил Рейдж, показав три пальца и кулак, и запрыгнул на переднее сиденье. Брат начал набирать сообщение на сотовом, а Куин выжил газ и в очередной раз доказал, что мозги у него имелись: парень догадался подъехать задним ходом, так что теперь они могли, не разворачиваясь, проехать по подъездной дорожке, чем он с чувством отмщения и занялся.

Пока они уносились прочь, Рейдж взглянул на часы:

– Четыре... три... два...

Дом позади них озарился яркой вспышкой огня, взрывная волна посылала по воздуху сгустки энергии...

Как в раз в тот момент минивэн, полный врагов, загородил выезд с подъездной дороги, блокировав 9-ое шоссе.

Бэлла перепроверила две сумки от Л.Л.Бин – теперь она точно знала, что взяла все, что могло понадобиться в ближайшее время. В одной из них, той, что с зелеными ручками, лежала кое-какая ее одежда, зарядка от телефона, зубная щетка и две тысячи долларов наличными. В сумке с синими ручками была одежда Наллы, бутылочки и подгузники, а также влажные салфетки, крем от сыпи, одеяльца, плюшевый мишка и «Места, куда ты пойдешь» Доктора Сьюза.

Название любимой книги Наллы было словно нож в сердце в эту ночь. Правда, было.

Когда в дверь детской комнаты постучались, Бэлла отозвалась:

– Входите!

В дверном проеме показалась голова Мэри – шеллан Рейджа. Ее лицо было напряжено, взгляд был мрачным еще до того, как упал на собранные сумки.

– Мне пришла смс от Рейджа. Зед ранен. Я знаю, ты собираешься уходить, и почему – это совершенно не мое дело, но, может, ты все же решишь подождать. По словам Рейджа, Зеду будет отчаянно нужна твоя кровь.

Бэлла медленно выпрямилась.

– Как... как серьезно он ранен? Что...

– Я больше ничего не знаю, кроме того, что они приедут домой так скоро, как смогут. О... Боже. Она всегда боялась таких новостей. Зеда ранили на поле боя.

– Когда они должны приехать?

– Рейдж не сказал. Я лишь знаю, что они должны закинуть в клинику к Хэйверсу раненного гражданского, но это по пути. А где будут лечить Зеда – здесь или там – я не в курсе.

Бэлла закрыла глаза. Зейдист был ранен, когда писал ей сообщение. Ему было больно, и он потянулся к ней... а она отшвырнула его прочь, ставя перед фактом – она оставляет его наедине с демонами.

– Что я наделала, – мягко проговорила она.

Тихим голосом Рейдж произнес:

– Я написал Мэри, попросив не отпускать ее, окей? Бэлла останется дома, как много времени нам бы не понадобилось, чтобы добраться до особняка. Она не уйдет от тебя, пока ты не вернешься.

В Хаммере воцарилась оглушительная тишина, словно все остальные были чрезвычайно заняты, претворяясь, что не слышали шокирующего заявления Рейджа.

Зед уже было открыл рот, чтобы начать спорить.

Но провалился в темноту прежде, чем смог высказать хоть какие-нибудь возражения.

Глава 6

Бэлла прохаживалась по кабинету физиотерапии в учебном центре, на дрожащих ногах обходя врачебный стол для осмотров. Она часто останавливалась, чтобы посмотреть на часы.

Где же они? Что еще пошло не так? Прошел уже целый час...

О, Боже, только бы Зейдист был жив. Пожалуйста, пусть они привезут его живым.

Шаги, еще шаги. В конце концов, она остановилась около каталки и посмотрела на нее. Положив руки на приподнятый верх, она вспоминала, когда сама в последний раз лежала на похоронной, будучи пациенткой. Три месяца назад. Когда рожала Наллу.

Боже, это был настоящий кошмар.

И, Господи, какой кошмар разразился сейчас... Ожидание собственного хеллрена, раненого, истекавшего кровью, объятая болью. И это еще было бы лучшим развитием событий. В худшем она получит тело, накрытое простыней. Что-то еще более ужасное она даже не могла себе представить.

Чтоб окончательно не сойти с ума, она стала думать о рождении Наллы, о том моменте, когда их с Зейдистом жизни изменились навсегда. Как и любое драматическое событие, большой день, конечно, ожидали, но наступление его все равно стало шоком. Она была лишь на девятом месяце, вместо восемнадцатого. Стояла ночь понедельника.

Самое адское начало рабочей недели.

Ей захотелось чили, и Фритц, потакая, достал порцию, острую словно паяльная лампа. Но, когда ее возлюбленный дворецкий принес горячую миску, она вдруг поняла, что не может выдержать ни вида, ни запаха. Ее подташнивало, по телу выступил пот, и она оправилась в ванную принять холодный душ. Войдя в помещение, она начала гадать, как протянет еще девять месяцев, если ребенок будет продолжать расти в ее животе такими же темпами.

Налла, очевидно, приняла случайную мысль слишком близко к сердцу. В первый раз за много недель она сильно толкнулась – и прорвала окружавшие ее воды.

Бэлла подняла подол халата и, посмотрев в низ, подумала, что не управилась с мочевым пузырем. И вдруг ее осенило. Хотя она последовала совету дока Джейн и не стала читать вампирскую версию «В ожидании малыша», ее фоновых знаний было достаточно, чтобы понимать: как только воды отошли, автобус отъехал от остановки.

Десятью минутами позже она уже лежала на спине на каталке, рядом с которой быстро шла док Джейн – они ехали в смотровую. Решение приняли следующее: тело Бэллы было не готово проработать по полной программе, но Наллу нужно было доставать. Ей ввели питоцин, часто использующийся для стимуляции родов обычных женщин, и вскоре Бэлла познала новую истину: есть большая разница между болью и родами.

Боль занимает твоё внимание. Роды занимают все твоё внимание.

Зейдист в это время был на поле боя, но, вернувшись, так обезумел, что короткие волосы на его голове встали дыбом. Войдя в палату, он сбросил с себя оружие, образовав кучу величиной с небольшой диванчик, и бросился к ней.

Она никогда не видела его таким испуганным. Даже когда он просыпался от

кошмаров о своей мучительнице Госпоже, которые не оставляли его. Глаза его стали черными, не от злости, но от страха, губы напряглись так сильно, что превратились в пару белых полосок.

Он помог ей пройти через боль. Он был нужен ей. Док Джейн посоветовала не использовать эпидуральную анестезию, потому что при ней у вампиров наблюдалось опасное понижение давления. Так что анестезии не было вообще.

Как и времени, чтобы перевести ее в клинику к Хэйверсу. Как только питоцин начал действовать, роды стали приближаться к кульминации слишком быстро, чтобы пытаться перевезти ее в другое место – хотя это было и не так важно, ведь близился рассвет. Что означало только одно: их врач не сможет добраться до учебного центра.

Вернувшись в настоящее, Бэлла пригладила рукой тонкую подушку, оставшуюся на каталке. Она помнила, как сжимала руку Зеда с силой, достаточной для того, чтобы сломать ему кости, как напрягалась, пока зубы не начали ныть, пока тело, казалось, на начало разрываться пополам.

А потом ее организм не выдержал.

– Бэлла?

Она развернулась. В дверях кабинета стоял Роф, большое тело короля полностью заполняло проем. Из-за черных волос длиной до бедер, искривленных солнечных очков и черной кожи в своем молчаливом прибытии он казался современной версией Смерти с косой.

– О, пожалуйста, нет, – сказала она, вцепившись в каталку. – Пожалуйста...

– Нет, все в порядке. Он в порядке. – Роф подошел к ней и, взяв за руку, приподнял. – Состояние стабилизировалось.

– Стабилизировалось?

– У него открытый перелом голени, который стал причиной кровотечения.

Кровотечение было то еще, несомненно.

– Где он?

– Сейчас его везут домой от Хэйверса. Я думал, что ты будешь волноваться, так что решил предупредить.

– Спасибо тебе. Спасибо...

Несмотря на проблемы, которые возникли у них в последнее время, мысль о том, чтобы потерять своего хеллрена, была катастрофической.

– Эй, ну-ка полегче. – Король притянул ее в свои объятия и нежно сжал. – Дай дрожи пройти сквозь себя. Это поможет тебя дышать, хочешь, верь, хочешь – нет.

Она последовала его совету, ослабив стальную хватку, которой держала мускулы. Ее тело дрожало от плеч до икр, и она оперлась на сильный торс короля, чтобы устоять на ногах. Впрочем, он оказался прав. Несмотря на дрожь, она смогла сделать пару глубоких вдохов.

Поняв, что уверенней стоит на ногах, она отодвинулась. Но, увидев краем глаза каталку, нахмурилась и снова начала прохаживаться по комнате.

– Роф, могу я кое-что у тебя спросить?

– Конечно.

Ей пришлось еще немного походить, прежде чем она смогла правильно сформулировать вопрос.

– Если бы у Бэт был ребенок, ты бы любил его так же сильно, как и ее?

Король выглядел удивленным.

– Эмм...

– Прости меня, – сказала она, качая головой. – Это не мое дело...

– Нет, дело не в этом. Я просто пытаюсь найти ответ. – Он поднял руку и сдвинул солнцезащитные очки вверх со своих бледно-зеленых глаз. Их несфокусированный взгляд поражал. – Дело вот в чем... И я думаю, это справедливо для любого связанного мужчины.

Твоя шеллан – это сердце, бьющееся в твоей груди. Даже больше. Она твое тело, твоя кожа, твой разум... все, чем ты был и все, чем ты когда-либо будешь. Так что мужчина просто не может любить кого-то сильнее, чем свою пару. Это просто нереально – думаю, здесь поработала эволюция. Чем глубже твои чувства, тем сильнее потребность защищать и обеспечивать жизнь твоей шеллан, чего бы это не стоило, а это значит, что она сможет заботиться о своем малыше. Это все к тому: конечно, ты любишь своего ребенка. Я вспоминаю отношение Дариуса к Бэт... В смысле, он отчаянно хотел обеспечить ей безопасность. И Тор с Джоном... и... да, конечно, ты испытываешь к ним очень глубокие чувства.

Все это было логично, но особого облегчения не приносило, ведь Зейдист даже не брал Наллу на руки...

Двойные двери кабинета распахнулись, и внутрь вкатили Зейдиста. Он был одет в больничную сорочку, видимо, потому что в клинике Хэйверса одежду с него срезали, а лицо его было совершенно бескровным. Руки перевязаны, на голени – гипс.

Он был без сознания.

Она метнулась к нему и взяла за руку.

– Зейдист? Зейдист?

Иногда капельницы и таблетки не самый лучший курс лечения для пострадавшего. Порой все, что тебе нужно – это прикосновение любимой, звук ее голоса, осознание того, что ты дома – именно это возвращает тебя в реальный мир.

Зед открыл глаза. Сапфировый взгляд, обращенный на него, вызвал жжение слез под веками. Бэлл наклонилась над ним, ее густые волосы цвета красного дерева свисали с одного плеча, на классических чертах ее лица было написано беспокойство.

– Привет, – сказал он, потому что это было лучшим из возможного.

В клинике он отказался от обезболивающих, потому что их седативный эффект всегда напоминал ему о наркотиках, которые вкалывали ему в замке Госпожи – так что во время вскрытия ноги и вправления кости доком Джейн он пребывал в сознании. Ну, во всяком случае, какое-то время пребывал. Потом ненадолго отключился. Ближе к концу операции ему стало казаться, что он умирает. Да и сейчас, наверняка, выглядел он не лучше. А сказать нужно было так много.

– Привет. – Бэлл провела рукой по его коротко стриженному черепу. – Привет...

– Привет...

Прежде, чем окончательно сломаться и опозориться, он огляделся, чтобы посмотреть, кто еще был в палате. Около вихревой ванны в углу Роф разговаривал с Рейджем, а напротив ряда шкафов, сделанных из стекла и металла, стояли Куин, Джон и Блэй.

Свидетели. Черт. Ему нужно было собраться с силами.

Он часто заморгал, и детали окружающей обстановки стали видны отчетливее. Тогда он вспомнил, когда был здесь в последний раз.

Рождение.

– Шш, – прошептала Бэлл, очевидно, неправильно истолковав его моргание. – Просто закрой глаза и расслабься.

Он последовал ее совету, потому что снова подошел к хрупкой грани реального мира, и не потому что его руки и нога так сильно болели.

Боже, та ночь, когда родилась Налла... когда он чуть не потерял свою шеллан...

Зед сильно зажмурился, не желая вспоминать прошлое... или слишком пристально смотреть в настоящее. Опасность потерять Бэллу вернулась. Снова.

– Я люблю тебя, – прошептал он. – Пожалуйста, не бросай меня.

– Я рядом.

Да, но надолго ли.

Паника, охватившая его, унесла обратно в тот день, когда на свет появилась Налла... Он был в городе с Вишесом, они расследовали похищение гражданского. Когда ему позвонила док Джейн, он бросил Ви, словно вредную привычку, и дематериализовался во внутренний дворик особняка, побежав через фойе к туннелю. Все, кто встречался на его пути: шеллан, доджены, даже Роф – предпочитали убраться с дороги, чтобы не повторить судьбу разбросанных кегель.

Внизу в учебном центре он обнаружил Бэллу – она растянулась на каталке, похожей на ту, на которой он сейчас лежал сам. Он вошел примерно на середине схватки и был вынужден наблюдать, как Бэлла, пригвожденная к кровати, свернулась от боли, словно гигантская рука надавливала на ее живот. Когда приступ прошел, она глубоко вздохнула и слабо улыбнулась ему. Она потянулась к нему, и он сбросил оружие, свалив его на линолеум.

– Руки, – рявкнула док Джейн. – Сначала вымой руки, потом подходи.

Он кивнул и прошел прямо к глубоким раковинам с педалями. Он намыливал руки по всей длине, пока кожа не приобрела розовый оттенок, похожий на сияние тела куклы Барби, потом вытер их синей хирургической тряпкой и поспешил к Бэлле.

Как только их ладони встретились, рев новой схватки охватил тело женщины. Бэлла сжимала его руку с такой силой, что от захвата хрустнули кости, но ему было все равно. Удерживая ее взгляд, пока она изо всех сил напрягалась, он понял, что готов на все, чтобы забрать хоть часть ее боли... в тот момент он бы с радостью отрезал собственные яйца. Он просто не мог поверить, что заставил ее пройти через такие страдания.

Но потом стало еще хуже. Роды, как локомотив, путешествующий по телу Бэллы, лишь набирали скорость. Сильнее, дольше, быстрее. Сильнее, дольше, быстрее. Он не знал, как она могла выносить это. А потом она не смогла больше.

Она обмякла, жизненные показатели падали: сердечный ритм, кровяное давление – все катилось в ад. По движениям док Джейн он понял, насколько это было серьезно. Он помнил капельницу, заряженную лекарствами, и подошедшего Вишеса с... черт, с хирургическим инструментами и кушеткой в руках.

Док Джейн натянула новую пару резиновых перчаток, потом взглянула на Бэллу, затем – на него.

– Нам придется войти внутрь и достать ребенка, хорошо? Она тоже в опасности.

Кивание. Он кивнул, и отвечая на вопрос, и реагируя на заявление. Ви втирал ржаво-оранжевый бетадин в разбухший живот Бэллы.

– С ней все будет хорошо? – в отчаянии пробормотала Бэлла. – С нашей малышкой все будет...

Док Джейн наклонилась к ней.

– Посмотри на меня.

Взгляды женщин встретились.

– Я сделаю все возможное, чтобы помочь вам обоим справиться с этим. Я хочу, чтобы ты успокоилась – это твоя работа. Успокойся и позволь мне делать то, в чем я так хороша. Теперь дыши глубоко.

Зейдист синхронно сделал глубокий вздох... а потом увидел, как веки Бэллы распахнулись, а взгляд, полный странной сосредоточенности, направился в потолок. Прежде чем он успел спросить ее, на что она смотрит, Бэлла закрыла глаза.

В то мгновение его объял ужас, что он никогда больше не увидит их открытыми.

А потом она сказала:

– Только удостоверься, что с малышкой все в порядке.

От этих слов он похолодел, заledenел окончательно, потому что понял: Бэлла не думает, что останется в живых. Она беспокоилась только о малышке.

– Пожалуйста, останься со мной, – простонал он, когда разрез был сделан.

Бэлла его не услышала. Она медленно теряла сознание, словно лодка, покачивающаяся в стоячих водах.

Налла родилась в 6:24 утра.

– Она жива? – спросил он.

И хотя сейчас при мысли об этом его охватывал стыд, но он задал тот вопрос тогда лишь потому что знал, Боже упаси, чтобы Бэлла пришла в себя и узнала, что младенец родился мертвым.

Пока док Джейн зашивала Бэллу, Вишес быстро работал отсосом около рта и носа малышки, потом зарядил небольшую капельницу и сделал что-то с ее ногами и руками. Быстро. Сейчас он был также быстр, как и его шеллан.

– Она жива?

– Зейдист?

Его глаза распахнулись – он вернулся в настоящее.

– Дать тебе еще обезболивающих? – спросила Бэлла. – Ты выглядишь так, словно сильно мучаешься.

– Я не могу поверить, что она выжила. Она была такой маленькой.

Когда слова сорвались с губ Зейдиста, Бэлла замешкалась, но лишь на короткую секунду. Рождение... Он вспоминал рождение Наллы.

Она погладила мягкие короткие волосы на его голове, пытаясь хоть немного облегчить боль.

– Да... да, была.

Его желтые глаза метнулись на людей, находившихся в комнате, голос стал тихим.

– Могу я быть честным с тобой?

«О, черт», – подумала она.

– Да, пожалуйста.

– Единственная причина, по которой я волновался, жива она или нет, была в том, что я не хотел, чтобы тебе сказали, что она мертва. Ты волновалась лишь о ней... я не мог вынести мысли о том, что ты потеряешь ее.

Бэлла нахмурилась.

– Ты имеешь в виду самый конец?

– Да... ты сказала, что нужно лишь удостовериться, что с ней все в порядке. Это были твои последние слова.

Бэлла прикоснулась ладонью к его щеке.

– Я думала, что умираю, и не хотела, чтобы ты остался совсем один. Я... я видела сияние Забвения. Оно было вокруг меня, омывало меня. Я волновалась за тебя... о том, что будет, если я не выживу.

Его лицо побелело еще больше, служа доказательством тому, что был в спектре цвет бледнее белого.

– Я догадывался, что это происходит. О Боже... не могу поверить, что это было так близко.

К каталке подошла док Джейн.

– Простите, что вмешиваюсь. Просто небольшая проверка показателей, хорошо?

– Конечно.

Наблюдая за скорым осмотром, она подумала о том, как эти призрачные руки помогли ее дочери появиться на свет.

– Хорошо, – сказала док Джейн, вешая стетоскоп на шею. – Это хорошо. Состояние стабилизировалось, и примерно через час он сможет двигаться и встать на ноги.

– Спасибо, – одновременно прошептали они с Зедом.

– Я только рада. Поверьте. Теперь. Как насчет того, чтобы все остальные свалили и

дали вам побыть наедине?

Толпа рассосалась, нагруженная поручениями помочь, принести еду или что-то еще, что могло понадобиться. Подойдя к двери, Роф остановился и посмотрел на Бэллу.

Она сильнее вцепилась в плечо Зеда, когда король слегка наклонил голову и вышел, закрыв за собой дверь.

Она откашлялась.

– Принести тебе чего-нибудь...

– Нам нужно поговорить.

– Это может подождать...

– Пока ты не уйдешь от меня? – Зед покачал головой. – Нет. Это нужно сделать сейчас.

Бэлла подкатила к каталке табуретку на колесиках и села на нее, поглаживая его предплечье, потому что не могла дотронуться до руки из-за бинтов.

– Мне страшно... Если мы не... сможем пересечь эту пропасть...

– Мне тоже.

Когда слова повисли в тихой отделанной плиткой палате, Бэлла вспомнила, как пришла в себя после кесарева в день рождения дочери. Первыми она увидела глаза Зейдиста. Его взгляд, направленный на нее, был полон мучения, но боль медленно ушла, давая место недоверию и надежде.

– Покажи ей младенца, – резко потребовал Зед. – Быстро.

Вишес подкатил кувез, и Бэлла впервые посмотрела на свою дочь. Волоча вслед за рукой трубочку, шедшую от капельницы, она дотронулась до плексигласового панциря. В тот момент, когда ее пальцы коснулись прозрачного щитка, малышка повернула голову.

Бэлла посмотрела на Зейдиста.

– Мы можем назвать ее Наллой?

Его глаза увлажнились.

– Да. Конечно. Все, что захочешь.

Он поцеловал ее, дал ей свою вену – он делал все, что можно было бы ожидать от внимательного и заботливого супруга.

Возвращаясь в настоящее, она покачала головой.

– Ты казался таким счастливым. Сразу после рождения. Ты радовался со всеми остальными. Ты обвязывал ленточками ее колыбельку... Ты ходил к Фьюри и пел ему.

– Потому что ты была жива, и тебе не пришлось страдать от потери малышки. Мой самый большой страх не воплотился в жизнь. – Зейдист поднял руку, словно хотел потереть глаза, но потом нахмурился, очевидно, осознав, что не может сделать этого из-за бинтов. – Я радовался за тебя.

– Но после того как ты покормил меня, ты сидел рядом с инкубатором, ты тянулся к ней. Ты даже улыбнулся, когда она посмотрела на тебя. На твоём лице была любовь, не просто облегчение. Что изменилось? – Он колебался, и она продолжила. – Я могу дать тебе больше времени, если это потребуется, но я не хочу стоять в стороне. Что произошло?

Зед уставился на больничную лампу, висевшую над его головой. Повисла длинная пауза. Такая длинная, что Бэлла подумала, что они могли упереться в несокрушимую стену.

Но потом в самом краю его глаза появилась большая слеза.

– Я вижу ее во сне.

Слова были такими тихими, что Бэлле пришлось удостовериться, что она расслышала их правильно.

– Прости?

– Сон, в котором я все еще у Госпожи. Налла... она в темнице. Я слышу, как она плачет, когда ко мне приходит Госпожа. Я пытаюсь освободиться из оков... чтобы защитить ее... забрать ее оттуда... остановить то, что должно случиться. Но я не могу сдвинуться с места. Госпожа найдет малышку. – Его испуганные глаза обратились к ней. –

Госпожа найдет ее, и это моя вина, что Налла в темнице.

– О... любовь моя... О, Зед. – Бэлла встала и, наклонившись, осторожно обняла его.

– О... Боже... и ты боишься, что Госпожа убьет ее...

– Нет. – Зейдист откашлялся. Один раз. Потом еще. И еще. Его грудь начала яростно вздыматься вверх и с силой опускаться вниз. – Она заставит... Наллу смотреть... что они делают со мной... Налле придется смотреть...

Зейдист попытался удержать эмоции в себе, но проиграв битву, зарыдал громкими, отрывистыми мужскими всхлипами.

– Ей придется... смотреть, как... ее отца...

Все, что оставалось Бэлле – это крепко сжимать его в объятиях, заливая больничную сорочку собственными слезами. Она знала, что все было плохо. Но и понятия не имела о том, насколько плохо.

– О, любимый мой, – прошептала она, почувствовав, как его руки обняли ее, а лицо опустилось, погрузившись ей в волосы. – О, мой милый, любимый...

Глава 7

На следующий день Зейдист проснулся около пяти часов после полудня. Здорово было лежать в собственной постели. А вот носить гипс на голени – наоборот.

Повернувшись, он открыл глаза и взглянул на Бэллу. Она уже проснулась и тоже смотрела на него.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

– Нормально. – Во всяком случае, физически. А вот состояние всего остального: и эмоций, и разума – оставалось под вопросом.

– Хочешь поесть?

– Да. Через какое-то время.

На самом деле он просто хотел немного поваляться в постели, смотря в глаза своей шеллан.

Бэлла легла на спину и уставилась в потолок.

– Я рад, что мы поговорили, – сказал он.

Как бы сильно он не ненавидел свое прошлое, он сделал бы все возможное, чтобы помешать ей уйти, и, если это означало разговор, что ж, он будет болтать до тех пор, пока связки не порвутся.

– Я тоже.

Он нахмурился, чувствуя некоторое напряжение между ними.

– О чем ты думаешь?

Несколько секунд спустя она тихо спросила:

– Ты все еще хочешь меня?

Ему даже пришлось ущипнуть себя. Она ведь не могла действительно спрашивать его...

– Боже правый, конечно, я хочу, чтобы ты оставалась моей шеллан. Одна мысль о том, что ты уйдешь, просто...

– Я имею в виду, в сексуальном плане.

Он моргнул, вспоминая стальную эрекцию, возникшую прошлой ночью, когда он наблюдал, как она вытиралась полотенцем.

– Как я могу не хотеть?

Ее голова повернулась к нему.

– Ты не питаешься, и ты не пытаешься сблизиться со мной... ну, я, правда, тоже не пыталась, но...

– Сейчас ты в первую очередь нужна Налле.

– Но и тебе тоже... по крайней мере, из-за вены. – Кивком она указала на его голень.

– Разве твоя нога сломалась бы, если бы ты правильно питался? Вероятно, нет.

– Ну, не знаю. Я проломил пол... и упал на стекло.

– На стекло?

– На люстру.

– Господи...

Повисла тишина, и он задался новым вопросом: чего она от него хотела? Давала ли она добро на...?

От одной мысли о возможности секса его тело мгновенно проснулось, словно она со всей дури ударила в огромный гонг.

Но Бэлла не двинулась с места. И он не двинулся.

В повисшей тишине он подумал о том, как близко они подошли к точке невозврата. Если они не сделают шаг навстречу друг другу...

Под простынями он потянулся к ней, взял ее руку и поднес к своему телу.

– Я хочу тебя, – сказал он, оборачивая ее ладонь вокруг эрекции. При первом же прикосновении он застонал и повел бедрами, толкаясь навстречу ее руке. – О... черт... я скучал по тебе.

Ему стало стыдно, когда он увидел изумление на лице Бэллы, и это вернуло его к воспоминаниям о той сцене с полотенцем. Теперь он понял, что, когда она остановилась и начала смотреться в зеркало, она изучала свое тело, искала изъяны, которых не было. И, видя его, она прикрылась не потому, что не хотела привлекать внимание, а потому что больше не была уверена, что владеет им.

Он подвигал ее рукой вверх-вниз по возбужденной плоти.

– Я отчаянно хочу снова прикоснуться к тебе. К каждой клеточке твоего тела.

Передвинувшись под простынями, она прижалась к нему.

– Правда?

– Как я могу не хотеть этого? Ты самая прекрасная женщина из всех, что я видел.

– Даже после...

Он рванулся вперед и прижался к ее губам.

– Особенно после. – Он чуть отодвинулся, чтобы она могла видеть его глаза. – Ты также красива, как была в тот день, когда я впервые увидел тебя в спортзале столько дней и ночей назад. Тогда ты остановила мое сердце – оно просто застыло в моей груди. И ты по-прежнему останавливаешь его.

Она быстро заморгала, а он смахнул слезы поцелуем.

– Бэлла... если бы я только знал. Я бы сказал что-нибудь... сделал бы что-нибудь. Я просто решил, что ты понимаешь, что для меня ничего не изменилось.

– С рождением Наллы все вокруг изменилось. Ритм моих дней и ночей. Мое тело. Ты и я. Ну так я и решила...

– Почувствуй меня, – простонал он, выгибаясь ей навстречу. – Почувствуй и знай... О, Боже.

Да, она отлично его чувствовала. Обернув обе ладони вокруг него, она ласкала его вверх-вниз, скользя по напряженной длине.

– Тебе нравится? – прошептала она.

Он смог лишь кивнуть и снова застонать. Когда она сжимала его так, когда ее ладони окружали его со всех сторон, когда она прикасалась к нему, у него в мозгах происходило короткое замыкание.

– Бэлла... – Он потянулся к ней перевязанной рукой, но потом остановился. – Чертовы бинты...

– Я сниму их. – Она прижалась к его губам. – И ты сможешь положить свои руки, куда захочешь...

– Твою мать.

Он кончил. Мгновенно. Но, вместо того, чтобы отступить, Бэлла лишь рассмеялась

глубоким, гортанным смехом женщины, которая была уверена, что скоро займется сексом со своим мужчиной.

Он узнал этот звук. Он любил его. Скучал по нему. Он должен был услышать его...

С другого конца комнаты Налла испустила разминочный вопль, который быстро перерос полноценный, похожий на рев запускающегося самолетного двигателя крик «мне нужна моя мамэн ПРЯМО СЕЙЧАС».

Бэлла почувствовала, как эрекция Зеда ослабла, и поняла, что это произошло не потому, что он только что получил разрядку. Он мог дойти до оргазма четыре-пять раз, и это лишь в самую обычную ночь, а не после нескольких месяцев воздержания.

– Прости, – сказала она, оглянувшись на колыбельку, чувствуя, как разрывается между близкими людьми.

Зейдист взял ее лицо в перебинтованные ладони и повернул к себе.

– Иди, позаботься о малышке. Со мной все будет в порядке.

Ни в его взгляде, ни в его голосе не было ни капли осуждения. Но ведь такого вообще никогда не случалось. Он никогда не обижался на Наллу; что-то, а самопожертвование у него выходило хорошо.

– Я просто...

– Не торопись.

Она слезла с кровати и подошла к колыбельке. Налла потянула ей навстречу свои маленькие ладошки и немного успокоилась. Особенно, когда ее взяли на руки.

Понятно. Мокрый подгузник и голод.

– Я недолго.

– Не беспокойся.

Зед растянулся на черных атласных простынях, желание исчезло из его глаз, тело, лишившись напряжения, расслабилось.

Она надеялась, причиной этому стал оргазм, принесший облегчение. Боялась, что, на самом деле, это произошло потому, что он и не ждал ее скорого возвращения.

Бэлла заскочила в детскую, быстро поменяла подгузник, потом уселась в кресло-качалку и дала Налле все необходимое. Медленно покачиваясь, она держала малышку на руках и думала о том, как правы были люди: рождение ребенка меняло все.

В том числе и ощущение времени.

То, что должно было стать пятнадцатиминутным кормлением, превратилось в двухчасовое «недовольство, срыгивание, недовольство, кормление, срыгивание, икота, плач, смена подгузника, недовольство, затянувшееся кормление».

Когда Налла, наконец, успокоилась, Бэлла откинула голову на спинку качалки, ощущая привычную смесь усталости и удовлетворения.

Материнские обязанности, столь сильно все изменившие, были просто замечательными, и вызывали своего рода пристрастие – теперь она понимала, почему некоторые матери становятся излишне сосредоточенными на своих отпрысках. Ты словно кормишься заботой и беспокойством о собственном ребенке. Ты становишься всемогущей Матерью. Каждое ее слово было истиной в мире Наллы.

Но она все же скучала по роли шеллан Зеда. Скучала по утренним пробуждениям рядом с ним, когда он двигался, прижав ее к матрасу, горячий и жаждущий. Скучала по ощущению его клыков, вонзающихся глубоко в ее горло. Скучала по тому, как выглядело его изуродованное шрамом лицо после занятий любовью: раскрасневшееся, со смягчившимися чертами, полное благоговения и любви.

А то, что с Братями он по-прежнему оставался жесток, делало его отношение к ней еще более специфичным. Всегда.

Боже, но его сны. Она не решалась сказать, что они изменили все, но повлияли на происходящее достаточно сильно – теперь она не смогла бы уйти от него. Но вот насчет того, что ждало их в будущем, уверена не была. Зеду требовалась помощь бульшая, чем она

могла предложить. Здесь нужно было профессиональное вмешательство, а не просто супружеская любовь и поддержка.

Может быть, Мэри могла внести свой вклад. У нее был опыт психологических консультаций, и именно она научила его читать и писать. Он не за что не стал бы разговаривать с незнакомцем, но Мэри...

О, черт, да не будет он ни за какие коврижки рассказывать шеллан Рейджа о перипетиях своего прошлого. Тот опыт был просто ужасен, а боль угнездилась слишком глубоко. Плюс ко всему, он ненавидел демонстрировать собственные эмоции третьим лицам.

Бэлла поднялась на ноги и положила Наллу в маленькую колыбельку в детской – вдруг Зейдист все еще был в кровати, обнаженный и в нужном настроении.

Но он не был. Он был в ванной и, судя по доносившемуся жужжанию и звуку бегущей воды, брил голову под душем. На прикроватном столике лежали ножницы и бинты, стягивавшие его руки. Увидев их, она могла думать лишь об одном: ей хотелось снять их собой. Не оставалось никаких сомнений: он ждал ее, ждал, ждал, а потом сдался, не надеясь уже ни на секс, ни на помощь. Наверное, ему было нелегко работать ножницами, ведь на руках шевелились лишь верхние фаланги пальцев... но, учитывая который был час, выбора особого не было: либо он сам освобождает себя от бинтов, либо отправляется на работу, не приняв душ.

Сев на кровать, Бэлла вдруг поняла, что пытается стянуть полы халата так, чтобы скрещенные ноги оставались прикрытыми. «Какой знакомый ритуал», – подумала она: ожидание, когда он выйдет из ванной. Душ будет принят, Зейдист в полотенце войдет в спальню, они будут говорить ни о чем, пока он будет одеваться в гардеробной. Потом он спустится вниз на Первую Трапезу, а она будет совершать утренний туалет в таком же уединении.

Господи, она чувствовала себя такой маленькой. Совсем крохотной по сравнению с проблемами, которые свалились на них, по сравнению с запросами своей дочери, по сравнению с осознанием того, что она хотела любящего хеллрена, а не вежливого соседа по комнате.

Она вздрогнула от неожиданного стука в дверь.

– Да?

– Это док Джейн.

– Заходи.

В дверном проеме появилась голова врача.

– Он где-то здесь? Я подумала, что стоит снять бинты – о, но, похоже, вы вдвоем справились с этим заданием.

Хотя доктор пришла к неправильным выводам, Бэлла предпочла держать рот на замке.

– Он скоро выйдет из ванной. Гипс уже можно снять?

– Думаю, да. Почему бы тебе не сказать ему, что я буду ждать в кабинете физиотерапии? Я работаю над расширением медицинского отсека, так что я и мой пояс с инструментами будем шататься там.

– Я передам.

В повисшей тишине слышалось приглушенное жужжание бритвы и шум бегущей воды.

Док Джейн нахмурилась.

– С тобой все в порядке, Бэлла?

Выдав улыбку, она подняла руки, словно пытаясь остановить Джейн.

– Я в идеальной форме. Мне не нужен очередной осмотр. Никогда.

– В это я верю. – Джейн улыбнулась, потом бросила взгляд на дверь ванной. – Слушай... Может, тебе стоит пойти потереть ему спинку, если ты понимаешь, о чем я?

– Я подожду здесь.

Снова тишина.

– Могу я внести предложение, которое будет весьма навязчивым?

– Сложно себе представить, что ты можешь быть еще более навязчивой, – сказала Бэлла, подмигнув женщине.

– Я серьезно.

– Хорошо.

– Передвинь колыбельку Наллы в детскую, и держи дверь закрытой большую часть того времени, что малышка спит. Купи радионяню, чтобы слышать ее. – Док Джейн обвела помещение взглядом. – Эту комнаты делите вы с мужем... тебе нужно быть чем-то большим, чем просто мамочкой, а ему нужна ты, хотя бы по чуть-чуть каждый день. Налла же будет в полном порядке, и очень важно приучить ее спать одну.

Бэлла взглянула на колыбельку. Мысль о том, чтобы убрать ее, казалось странной и необъяснимо пугающей. Словно они бросали дочь на съедение волкам. Но, если она хотела не просто соседа, им понадобится больше пространства, пространства, не имеющего ничего общего с квадратными метрами.

– Это может быть хорошей идеей.

– У многих моих коллег были дети. Что я могу сказать? Любят врачи плодиться. После рождения первого всегда следует адаптационный период. Это не значит, что с браком что-то не так, это значит, что пришло время установить новые границы.

– Спасибо... правда, я очень ценю твою помощь.

Док Джейн кивнула.

– Я всегда рядом.

Когда дверь закрылась, Бэлла подошла к колыбельке и пригладила разноцветные атласные ленточки, привязанные к перилам. Прохладные лоскутки скользнули сквозь пальцы, и она вспомнила церемонию дарования и любовь, которую разделили все жители особняка. В этом доме всегда будут обожать Наллу, о ней всегда будут заботиться, ее всегда будут защищать.

В тот момент, когда она освободила тормозной механизм и покатила кроватку в детскую, на нее накатил приступ паники – но она собиралась преодолеть его. Должна была. И ей срочно нужно было купить радионяню.

Она остановила колыбельку рядом с той, что стояла в детской – Налла спала и там.

Лоб малышки был сморщен, ручки и ножки согнуты – верный признак того, что она вскоре проснется.

– Шш, мамэн с тобой.

Бэлла достала малышку и переложил на ее любимое место. Налла засопела, довольно проворковав что-то, свернулась калачиком и, просунув маленькую ручку между реек, схватилась за красно-черный бант Рофа и Бэт.

Многообещающе. Глубокое дыхание и сытый животик были залогом долгого крепкого сна.

По крайней мере, Налла не чувствовала себя отверженной.

Бэлла вернулась в спальню. В ванной было тихо, и, просунув голову в дверной проем, она почувствовала легкую влажность, оставшуюся после включенного душа, и уловила отголоски запаха кедрового шампуня.

Он ушел.

– Ты передвинула колыбель?

Она обернулась. Зед стоял в двустворчатых дверях гардеробной, черные кожаные брюки, чуть расширявшиеся к низу, уже были на нем, а черная футболка была переброшена через руку. Его грудь с меткой Братства и кольцами в сосках блестела в свете, пробивавшемся из-за плеч.

Бэлла бросила взгляд на то место, где недавно стояла колыбелька Наллы.

– Ну, это... понимаешь, наше место. И, эмм, ей хорошо и в другой комнате.

– А ты уверена, что тебе это по нраву?

Если это означало, что она будет с ним как с хеллреном?

– С Наллой все будет в порядке. Я в соседней комнате, если вдруг понадобится, а в последнее время, она много спит... так что, да, мне это вполне подходит.

– Ты... уверена?

Подняв глаза, Бэлла посмотрела на него.

– Да. Совершенно уверена...

Зед бросил футболку на пол, материализовался рядом с ней и повалил на кровать, прижимая к себе. Когда он впился в ее губы, а тяжелый, мощный вес вдавил ее в матрас, она почувствовала безумство его связующего аромата. Его руки грубо обошлись с ее ночнушкой, разорвав ее и откинув куски в стороны. Увидев ее обнаженные груди, он зарычал низко и глубоко.

– О, да, – застонала она, обьятая тем же безумием, что и он.

Она просунула руку между их телами и, сломав ноготь, потянула вниз молнию его ширинки...

Зед издал очередной животный звук, когда эрекция коснулась ее руки. Откинувшись назад, он чуть не разорвал свои кожаные брюки, стараясь стащить их с ног, преодолев гипс. Потом оставил тщетные попытки вместе со штанами, болтавшимися около коленей, прорывав «хрен с ними».

Он снова рванулся к ней и, окончательно разорвав ночнушку, широко развел ее бедра. Но потом остановился: беспокойный взгляд грозил перечеркнуть страсть на его лице. Он уже открыл рот, очевидно, собираясь просить, согласна ли она...

– Заткнись и войди в меня, – рявкнула она, хватая его за шею и притягивая к своим губам.

Зарывав, он толкнулся внутрь: проникновение бомбой разорвало ее тело, по которому стали разноситься искры, воспламенявшие кровь. Ногти впились в его зад, отвечая яростному ритму его бедер, пока он не последовал за ней, кончая, содрогаясь всем телом в спазме наслаждения.

В ту же секунду он откинул голову назад и, обнажив клыки, зашипел словно огромная кошка. Выгнувшись на подушке, она повернула голову в сторону, открывая ему доступ к горлу, чтобы он смог...

Клыки Зейдиста мощно и глубоко проникли в кожу, и она кончила снова, но он, не отрываясь от вены, продолжил движения. Он был даже лучше, чем ей помнилось: мускулы и кости давили на нее сверху, кожа была такой гладкой, а связующий аромат окутывал ее своим темным острым оттенком.

Когда кормление завершилось, а он кончил... одному Богу было известно, сколько раз он кончил... тело его расслабилось, а рот переместился на ее горло, чтобы залечить ранки от укусов. Нежные, приятные касания его языка разбудили в ней новое желание, и он, словно прочитав ее мысли, перекатился на спину, удерживая ее рядом, оставляя их тела соединенными.

– Возьми меня, – попросил он, не сводя глаз с ее полных грудей.

Она обхватила ладонями предмет его вожделения, лаская свои соски, а начала двигаться медленно и мягко. Он стонал, сжимая руками ее колени, и она чувствовала себя такой прекрасной, какой не смогли бы сделать ее даже его слова.

– Боже... я скучал по тебе, – сказал он.

– Я тоже.

Она уперлась ладонями в его плечи и, наклонившись вперед, начала двигаться быстрее.

– О, черт, Бэлла... возьми мою вену...

Приглашение было принято прежде, чем он успел закончить предложение – и в ее

движениях нежности было не больше, чем в его. Его вкус был потрясающим, еще интенсивней, чем раньше. Каждый раз, как она питалась от него после рождения, все происходило.... с большой обходительностью. Сейчас же между ними царила дикость: искрящийся коктейль силы и секса, а не обычная подзарядка сил.

– Я люблю тебя, – прошептал он, пока она пила его кровь.

Они занимались любовью еще четыре раза.

Снова на кровати.

Два раза на полпути в ванную.

Еще раз под душем.

После они завернулись в толстые белые полотенца и опять забрались на кровать.

Зейдист прижал ее к своему боку и поцеловал в лоб.

– Вопрос с моим желанием к тебе исчерпан?

Она рассмеялась, проводя руками по его груди и опускаясь ниже к шести кубикам живота. Она могла поклясться, что под ее ладонью мускулы наливались силой – его тело жадно всасывало то, что получило во время кормления. Она гордилась тем, что сделала его сильнее... даже больше: она чувствовала связь между ними.

Дева-Летописица не прогадала, создавая расу, вынужденную кормиться от самой себя.

– Ну? Исчерпан? – Зед перекатился, подминая ее под себя. На его лице сияла особенная улыбка под названием «Я тот мужчина». – Или мне стоит вернуться к доказательствам?

Она провела ладонями по его сильным рукам.

– Нет, я думаю, мы... Зед!

– Что? – промычал он, снова устраниваясь меж ее бедер. – Прости. Ничего не могу поделать. Я все еще голоден. – Он прикоснулся к ней поцелуем легким как дыхание. – Мм...

Его губы спустились по ее шее, потерялись об укусы, словно говоря «спасибо».

– Мм... моя, – зарычал он.

Так медленно, так нежно... его рот спустился еще ниже, к ее груди. Он остановился, так и не прикоснувшись к соску.

– Они чувствительные? – спросил он, потершись о вершинку носом, а потом проведя по ней языком.

– Да... – Она задрожала, когда его дыхание ветерком прошло по тому месту, где только что был язык.

– Такими они и выглядят. Красненькие, цветущие и таким прекрасные.

Он никогда не был так нежен с ее грудями, лаская их руками и осторожно целуя.

Он начал двигаться еще ниже, спускаясь к ее животу, и она почувствовала новую волну жара и возбуждения. Посмотрев в ее лицо, он улыбнулся.

– Скучала ли ты по моим поцелуям, дорогая супруга? По тем, что я люблю дарить тебе между бедер?

– Да, – сдавленно ответила она, ощущая дрожь предвкушения, прокатившуюся по телу. Согласно легкой эротичной ухмылке на его лице и дьявольскому огоньку в желтом взгляде, он снова превратился в мужчину, наметившему определенный план в своем совершенном свободном расписании.

Он встал на колени.

– Раздвинь для меня ноги. Мне нравится смотреть на тебя... О... черт... да. – Он потер губы, словно разогревая их. – Вот об этом я и говорю.

Его плечи чуть сгорбились, когда он наклонился, уподобляясь кошке у миски с молоком – она же, словно эрос, отдавала себя целиком во власть его теплого влажного языка.

– Я хочу сделать это медленно, – прошептал он, касаясь ее плоти. Она простонала его имя. – Не хочу заканчивать пиршество слишком быстро.

«Это не проблема», – подумала она. Для него она всегда была бездонным колодцем...

Его язык скользнул в ее тело горячим проникновением, потом вернулся к нежным, медленным поглаживаниям.

Посмотрев вниз, она встретила с его сияющим цитриновым взглядом... он словно ждал того момента, когда их глаза пересекутся, чтобы ускорить движения языка.

Наблюдая, как его розовая плоть прикасается к ее, она снова вылетела за границы наслаждения.

– Зейдист, – простонала она, обхватывая его голову и толкая бедра вверх.

Нет ничего прекраснее, чем лежать между ног твоей шеллан.

Дело не только во вкусе; но и в звуках, в аромате, в том, как она смотрит на тебя, повернув голову набок и приоткрыв рот, чтобы дышать. Дело в нежном, прекрасном центре всего того, что делает ее женщиной, прижимающемся к твоему рту, и в доверии, которое она оказывает тебе, подпуская так близко. Это интимность, чувственность, особая атмосфера...

Это то, что ты мог бы делать вечно.

Когда его шеллан издала самый потрясающий звук, и волны оргазма подхватили ее, Зейдист скользнул вверх, войдя в нее, желая почувствовать спазмы собственной плотью.

Прижавшись губами к ее уху, он кончил в нее.

– Ты для меня – все.

Позднее, когда они отдыхали рядом, он оглядел ее от груди до живота, думая о том, как удивительно подходили друг другу их тела. Ее пышные изгибы и женская сила создали живое существо, предоставив ему безопасное место, в котором, благодаря химическим превращениям, соединились два тела и создали жизнь.

Они оба.

– Налла... – прошептал он. – У Наллы...

Он почувствовал, как она напряглась.

– У Наллы – что?

– У Наллы мои глаза, так ведь?

Голос его шеллан стал мягким и осторожным, словно она боялась спугнуть его.

– Да, да у нее твои глаза.

Положив руку на живот Бэллы, Зед начал очерчивать круги на упругой коже – она часто делала это сама во время беременности. Теперь он стыдился себя... Стыдился, что ни разу не притронулся к ее животу. Рождение ребенка так беспокоило его, что видневшаяся окружность представлялась ему лишь угрозой их собственным жизням, но никак не тем, чему нужно было радоваться.

– Прости меня, – неожиданно сказал он.

– За что?

– Тебе пришлось пройти через все это одной, ведь так? Не только эти последние три месяца, но и раньше. Еще когда ты была беременна.

– Ты всегда был рядом со мной...

– Но не с Наллой, а ведь она была частью тебя. И сейчас она часть тебя.

Бэлла вздернула голову.

– Она также и часть тебя.

Он вспомнил большие блестящие желтые глаза малышки.

– Иногда мне кажется, что она и на меня тоже немного похожа.

– Да она почти вылитый ты. У нее твой подбородок и твои брови. А ее волосы... –

В голосе Бэллы проснулось радостное возбуждение, словно она уже давно хотела обсудить с ним все детали внешности их дочери. – Ее волосы будут точно такими же, как у тебя и Фьюри. А руки ее ты видел? Ее указательные пальчики длиннее, чем безымянные – как у тебя.

– Правда?

Боже, да какой из него отец, если он не знает таких вещей?

Ну, ответ был прост. Он не был никаким отцом.

Бэлла протянула руку.

– Давай примем душ, а потом пойдем со мной. Позволь мне представить тебя твоей дочери.

Зед глубоко вздохнул, а потом кивнул.

– Я был бы рад.

Глава 8

Загородив дверной проем детской, Зейдист удостоверился, что футболка была заправлена в кожаные штаны.

О, как он любил запах этой комнаты. Пахнувшая лимоном невинность, так он думал. Сладкий как цветок, но не приторный. Чистый.

Бэлла взяла его за руку и подвела к колыбельке. Окруженная складками атласа, превышающими ее собственный рост, Налла свернулась калачиком, ее руки и ноги были прикрыты одеялом, глаза зажмурены, словно во сне она упорно-упорно-очень-упорно работала.

В тот момент, когда Зед просмотрел в колыбель, она пошевелилась. Засопела. Во сне протянула ручку... не к матери, к нему.

– Чего она хочет? – как дурак, спросил он.

– Она хочет, чтобы ты дотронулся до нее.

Он не двинулся, и Бэлла пробормотала:

– Она делает это во сне... она, кажется, знает, кто вокруг, и ей нравится, когда ее гладят.

Нужно было отдать должное его шеллан: она не вынуждала его делать хоть что-то.

Но Налла была недовольна. Она тянула к нему свои маленькие ручки.

Зед вытер свою ладонь о футболку, затем протер ею пару раз вверх-вниз по бедру. Наклонился вперед, его пальцы дрожали. Налла прикоснулась к нему. Дочь взяла его большой палец и вцепилась в него с такой силой, что он почувствовал гордость.

– Она сильная, – сказал Зед. Одобрение сквозило в его тоне.

Бэлла тихо вздохнула.

– Налла? – прошептал он, наклоняясь. Его дочь поморщила маленькие губки и ухватила за него еще сильнее.

– Я не могу поверить ее хватке.

Он позволил своему указательному пальцу слегка потрогать запястье дочери.

– Мягкая... о, мой Бог, она такая мягкая...

Веки Наллы резко поднялись. Его сердце остановилось – он словно смотрел в свои собственные золотистые глаза.

– Привет...

Налла моргнула, дернула его палец и изменила все: время замерло, будто она тронула не только его руку, но и сердце.

– Ты похожа на свою мамэн, – прошептал он. – Ты заставляешь мир остановиться...

Налла продолжала покачивать его рукой и ворковать.

– Я не могу поверить ее хватке...

Он поглядел на Бэллу.

– Она такая...

Слезы текли по лицу Бэллы, она обхватила себя руками, словно боялась рассыпаться на части.

Его сердце снова сжалось, но уже по другой причине.

– Иди сюда, налла, – сказал он, обращаясь к своей шеллан, притягивая ее к себе свободной рукой. – Иди сюда, к своему мужчине.

Бэлла спрятала свое лицо у него на груди. Их пальцы сплелись.

Стоя там и обнимая свою дочь и свою женщину, Зед чувствовал себя высотой в восемь тысяч футов, быстрее, чем его Каррера и сильнее, чем целая армия.

Его сердце наполнилось новой целью. Они обе были его. Его и только его, и он был обязан заботиться о них. Одна была его сердцем, другая – частью его самого. Они дополняли его, заполняя пустоты, о существовании которых он и понятия не имел.

Налла посмотрела на своих родителей, издав удивительно восхитительный звук. Как прекрасно все разрешилось.

Но потом его дочь потянулась другой рукой... и дотронулась до метки раба на запястье.

Зед напрягся. Ничего не смог с собой поделать.

– Она не знает, что это, – мягко сказала Бэлла.

Он глубоко вздохнул.

– Она узнает. Когда-нибудь она узнает, что именно они значат.

Прежде, чем спуститься вниз к доку Джейн, Зед провел много времени со своими дамами. Он заказал еду для Бэллы и, пока ее готовили, впервые наблюдал, как кушает его дочь. Налла заснула сразу после этого, выбрав очень удачный момент, потому что вскоре прибыл Фритц с едой. Зед кормил свою шеллан из рук, испытывая особенное удовлетворение, выбирая самые лучшие кусочки куриного рулета и брокколи.

Когда еда была съедена, а вино выпито, он вытер губы Бэллы узорчатой салфеткой. Ее глаза слипались. Уложив в постель, он поцеловал ее, поднял поднос и свой правый ботинок и вышел из комнаты.

Закрывая за собой дверь, он услышал щелчок замка, и чувство глубокой удовлетворенности разлилось внутри него. Его женщины были сыты и спали. Он сделал свою работу хорошо.

Работа? Скорее, цель его жизни.

Посмотрев на дверь детской, он задался вопросом: мог ли мужчина связаться со своими детьми? Он всегда слышал, что это происходит только с шеллан... но начинал понимать, что испытывает к Налле инстинкт защитника. А ведь он еще даже не держал ее на руках. Через две недели, когда он получше узнает ее? Да просто превратится в водородную бомбу, если что-то будет угрожать ей.

Так вот что значит быть отцом? Он и не догадывался. Ни у одного из братьев не было детей, и он не знал никого, у кого мог бы спросить.

Направляясь к лестнице, он хромая шел по коридору со статуями: шаг, статуя, шаг, статуя, шаг, статуя... и всю дорогу смотрел на свои запястья.

Спустившись, он отнес посуду на кухню, поблагодарил Фритца и вошел в туннель, ведущему к учебному центру. Если док Джейн уже ушла, он сам снимет гипс.

Выйдя в офис из шкафа, он услышал скрежет работающей циркулярной пилы и последовал на звук в тренажерный зал. По пути он хотел посмотреть, как продвигается строительство новой клиники Джейн. Три бокса, сформированные из одного помещения, разрабатывались так, чтобы функционировать и в качестве операционных, и в качестве палат для пациентов, и были оборудованы по последнему слову техники. Док Джейн вложила деньги в компьютерную аксиальную томографию, рентген с цифровым

изображением и ультразвук, наряду с электронным оборудованием и высокотехнологичными хирургическими инструментами – этими запасами вполне могло бы обойтись целое отделение неотложки. Они не хотели зависеть от клиники Хэйверса.

Так было безопасней для всех. Благодаря Ви, дом Братства был окружен камерами наблюдения, чего нельзя было сказать о клинике Хэйверса. А то нападение, совершенное прошлым летом? Братьев могли выследить в любой момент, так что стоило держать под рукой кучу нужных вещей.

Зед открыл одну из металлических дверей зала и остановился. Ого. Очевидно, в доке Джейн текла кровь участников «Extreme Home Makeover».

Вчера вечером, когда Зеда привезли сюда, все было, как обычно. Теперь же, меньше, чем сутки спустя, на противоположенной стене разверзлась дыра шесть на двенадцать футов, окруженная обуглившимися кирпичами. Она открывала взору зал, который должен был подвергнуться переделке, и супругу Ви, берущую деревянный брус и скармливающую его циркулярной пиле. Ее тело казалось почти прозрачным, но руки были видны хорошо.

Заметив Зеда, она закончила с доской и выключила станок.

– Привет! – крикнула она, как только все стихло. – Ты готов к снятию гипса?

– Да. А ты, очевидно, хорошо управляешься с пилой.

– Лучше верь в это, – усмехнулась она, указывая на отверстие. – Как тебе нравится мой интерьер?

– Ты не сидела без дела.

– Молотки рулят, что я могу сказать?

– Я готов к новой доске, – прокричал Ви из соседнего помещения.

– Она тоже готова.

На вошедшем Ви был одет пояс для инструментов с молотком и несколькими долотами. Подойдя к своей женщине, он сказал:

– Привет, Зед. Как нога?

– Будет намного лучше, как только док Джейн снимает эту штуковину. – Кивком Зед указал на противоположенную стену. – Черт, вы, ребята, делаете успехи.

– Да, мы должны позаботиться о раме сегодня вечером.

Док Джейн протянула супругу доску и быстро поцеловала его – при прикосновении лицо обрело отчетливые формы.

– Я сейчас вернусь. Только сниму гипс.

– Не торопись. – Ви кивнул Зейдисту. – Ты хорошо выглядишь. Я рад.

– Твоя женщина – волшебница.

– Это точно.

– Хорошо, хватит чесать за ушком у эго, мальчики. – Она улыбнулась и снова поцеловала своего возлюбленного. – Пошли Зед. Давай сделаем это.

Она развернулась, и глаза Ви проследили за движениями ее тела... это, несомненно, означало, что, как только Зейдист перестанет надоедать им, они начнут трудиться не только над новой клиникой.

Док Джейн и Зед прошли в кабинет физиотерапии, и он запрыгнул на каталку.

– Я тут подумал, что, вероятно, ты бы хотела испробовать на мне ту циркулярную пилу?

– Не. У тебя в роду уже есть кое-кто без ноги. Двое – это уже слишком. – Она мягко улыбнулась. – Боли?

– Не-а.

Она подкатила передвижной рентгеновский аппарат.

– Положи ногу наверх – идеально. Спасибо.

Она снова подошла к нему, принеся просвинцованное покрывало, и он, взяв его, положил на себя.

– Могу я кое-что спросить? – поинтересовался он.

– Ага. Только подожди, пока я закончу.

Она включила рентгеновский излучатель и сделала снимок – в комнате прозвучал короткий жужжащий хлопок. Посмотрев на экран компьютера, расположенного напротив, она сказала:

– На бок, пожалуйста.

Он передвинулся, и она повернула его ногу другой стороной. После очередного непродолжительного жужжания и проверки монитора она сказала:

– Окей, можешь сесть. Нога выглядит замечательно, так что я собираюсь избавиться от этой выдающейся штукатурной работы, которую сама же и делала.

Она протянула ему одеяло и отвернулась, пока он снимал свои кожаные штаны. Затем она взяла пилу из нержавеющей стали и начала обрабатывать его гипс.

– Так что за вопрос? – спросила она, перекрикивая жужжание пилы.

Зед потер метку раба на запястье, потом протянул его, показывая ей.

– Ты, правда, думаешь, что я смогу удалить это?

Не выключая пилу, Джейн остановилась, несомненно, обдумывая не только медицинскую, но и личную точку зрения. У нее вырвался какой-то звук, что типа резкого «ха», а потом она быстро закончила разрезать гипс.

– Хочешь вымыть ногу? – спросила она, протягивая ему влажную мочалку.

– Да. Спасибо.

Он быстро закончил приводить себя в порядок, и она дала ему то, чем можно было вытереться.

– Не возражаешь, если я взгляну на кожу поближе? – спросила она, кивком указывая на запястье.

Он покачал головой, и она склонилась к его руке.

– С людской кожи татуировки лазером удаляются почти так же. У меня здесь нет нужного оборудования, но, если ты мне поможешь, у меня есть идея, как это можно устроить. И кто может сделать это для тебя.

Он уставился на черные метки и вспомнил, как маленькая ручка его дочери касалась плотных темных чернил.

– Я думаю... да, я думаю, что хочу попробовать.

Проснувшись и потянувшись в супружеской постели, Бэлла поняла, что чувствует себя так, словно провела целый месяц на отдыхе. Ее тело наполнилось свежестью, силой... ну и в определенных местах ощущалась боль. Несмотря на душ, который она приняла чуть раньше, запах Зейдиста оставался на ее теле, завершая идеальную картину.

Суда по часам, стоявшим на прикроватном столике, она отключилась часа на два, так что Бэлла поднялась, надела халат и, почистив зубы, подумала о том, чтобы нужно было бы проверить Наллу и, может быть, перехватить чего-нибудь на кухне. Она уже направилась к детской, когда в дверях появился Зейдист.

При виде него она не удержала радостной улыбки.

– Гипс сняли.

– Ммм–хम्म... иди сюда, женщина.

Он подошел к ней, обхватил руками и потянул назад так, что ей пришлось схватить его за плечи, чтобы устоять на ногах. Он целовал ее долго, медленно, потираясь бедрами о ее ноги, прижимаясь к ней напряженной плотью.

– Я скучал по тебе, – проурчал он, прикасаясь к ее горлу.

– Но мы были вместе только два часа...

Его язык, скользнувший в ее рот, заставил ее замолчать, этой цели служили и ладони, в конце концов, обхватившие попку. Он поднес ее к одному из подоконников, и, посадив, расстегнул ширинку...

– О, Боже, – застонала она, улыбаясь.

Вот это... это был мужчина, которого она знала и любила. Всегда голодный. Всегда жаждущий близости. Когда он начал медленно двигаться внутри нее, она вспомнила начало их отношений, вспомнила, что было после того, как он, наконец, открылся ей. Ее поразила его потребность быть ближе: во время еды, или когда они зависали с Братством, или днем, когда спали. Словно он компенсировал века, проведенные без единого теплого, заботливого прикосновения.

Бэлла обвила руками его шею и прижалась щекой к уху – его по-детски мягкие короткие волосы ласкали ее лицо, пока он двигался.

– Мне понадобится... твоя помощь, – сказал он, подаваясь вперед и выскальзывая назад.

– Все что угодно... только не останавливайся...

– И... не... мечтай... – Остальные слова потонули в разбушевавшемся море секса. – О, Боже... Бэлла!

Когда все кончилось, он слегка отодвинулся назад – цитриновые глаза искрились как шампанское.

– Кстати... привет. Забыл поздороваться, когда вошел.

– О, думаю, ты поприветствовал меня просто замечательно, спасибо тебе большое. – Она поцеловала его в губы. – Теперь... помощь?

– Давай тебя вымоем, – протянул он: огонек в его желтых глазах намекал, что купание может привести к еще большему беспорядку.

Что, конечно, и случилось.

Когда они оба насытились, она, как раз приняв свой третий душ, надела халат и начала вытирать полотенцем волосы.

– Ну так в чем тебе нужна моя помощь?

Зед облокотился на мраморную тумбу рядом с раковинами, и провел ладонью по коротко стриженному черепу, став совершенно серьезным.

Бэлла прекратила вытираться. Он продолжал молчать, и она отступила назад, сев на край джакузи, чтобы дать ему немного больше пространства. Она ждала, то сжимая, то отпуская собственные колени.

Пока он стоял там, собираясь с мыслями, она почему-то подумала о том, сколько всего произошло в этой ванной. Именно здесь она обнаружила его, свернувшегося над унитазом, после того, как он возбудился, прикоснувшись к ней в самый первый раз на той вечеринке. А потом... освободив ее из лессерского плена, он купал ее в этой ванной. А в душе, стоявшем напротив, он кормил ее в первый раз.

Она вспомнила тот тяжелый период их жизни: она сразу после похищения, он в борьбе с влечением к ней. Взглянув правее, она вспомнила, как нашла его сидевшим на плитке под струей ледяной воды: он обдирал свои запястья, веря, что выпачкан, что не способен покормить ее.

Он продемонстрировал огромное мужество. Преодоление всего, что случилось с ним, доверие ей – все это требовало огромного мужества.

Взгляд Бэллы снова вернулся к нему, и, поняв, что он не отрывает глаз от своих запястий, она сказала:

– Ты собираешься попробовать их удалить, так ведь?

Его рот изогнулся в полуулыбке, сторона, искаженная шрамом приподнялась.

– Ты так хорошо меня знаешь.

– Как ты сделаешь это?

Когда он закончил говорить, она кивнула.

– Превосходный план. И я пойду с тобой.

Он посмотрел на нее.

– Хорошо. Спасибо тебе. Не думаю, что смог бы сделать это без тебя.

Она встала и подошла к нему.
– Ты не должен беспокоиться об этом.

Глава 9

Офис доктора Томаса Уолкотта Франклина III был вторым в рейтинге лучших офисов комплекса Больницы Святого Франциска.

Когда дело касалось административного имущества, иерархия подчинения определялась доходами, и как над руководителем дерматологии над Т.У. был только один начальник.

Конечно, его отделение зарабатывало такие хорошие деньги потому, что он как верный последователь научных умов обеспечивал продажу многих услуг. Под его руководством отделение дерматологии занималось не только телесными повреждениями, раковыми опухолями и ожогами вдобавок к таким кожным заболеваниям как псориаз, экзема и угревая сыпь, но также имело и собственное подразделение косметической хирургии.

Подтяжка лица. Подтяжка бровей. Увеличение груди. Липосакция. Ботокс. Рестилайн. Сотни других процедур. Миссией частной практики стала забота о здоровье, которая представлялась на основе научных разработок, и богатым клиентам нравился такой подход к делу. Они толпами приезжали из Большого Яблока: в первое время они совершали это путешествие из стремления к анонимности, получая первоклассное лечение за пределами тесного манхэттенского сообщества, предоставлявшего услуги пластической хирургии, но потом – потакая своим капризам – они начали гнаться за статусом. Считалось модным «обрабатывать» себя в Колдвелле, а согласно клиническому этикету, только у заведующего хирургией, Мэнни Манелло, вид из окна офиса был лучше.

Ну, в ванной комнате Мэнелло также был мрамор в душе, а не только на тумбах и стенах. Но, на самом деле, никто с ним не соревновался.

Т.У. нравился этот вид. Нравился его офис. Он любил свою работу.

Что было хорошо, ведь его рабочий день начинался в семь и кончался... он посмотрел на свои часы... около семи.

Впрочем, сегодня он уже должен был уйти. Вечером каждого понедельника в семь часов Т.У. играл в ракетбол в Колдвеллском Загородном Клубе... так что он пребывал в некотором замешательстве, принимая нового пациента. По каким-то странным причинам он согласился, а его секретарша нашла ему замену на корте, но он ни за что на свете не смог бы вспомнить ни одно «почему?» или «кто?» этих разговоров.

Из нагрудного кармана своего белого халата он вытащил распечатанное расписание и встряхнул головой. Напротив «семи часов» стояло имя «Б.Налла» и «лазерная косметология». Черт, у него совершенно вылетело из головы, каким образом был организован этот прием, кто был пациентом и кто выдал направление... Но в это расписание без разрешения никто не попадал.

Это должен быть кто-то важный. Или пациент кого-то важного.

Очевидно, он просто заработался.

Т.У. зашел в электронную систему медицинских записей и еще раз пробил «Б.Налла» по поиску. Самое близкое совпадение было – «Белинда Налда». Опечатка? Возможно. Но его ассистентка ушла в шесть, а прерывать ее семейный ужин ради «какого хрена ты наделала?» казалось грубостью.

Он встал, проверил узел галстука и застегнул белый халат, потом в ожидании Б.Наллы или Налды решил приняться за документы, которые нужно было просмотреть.

Покидая верхний этаж отделения, где были расположены кабинеты и палаты, он подумал о том, как сильно это место отличалось от нижних этажей, где располагалась

частная клиника. День и ночь. Больничный интерьер здесь был выполнен без особого шика: темный ковер с небольшим ворсом, кремовые стены, куча обычных кремовых дверей. Висевшие на стенах плакаты были вставлены в скромные рамки из нержавеющей стали, редкие растения были разбросаны по коридорам на больших расстояниях друг от друга.

Внизу? Курорт высшего класса с личным обслуживанием, предлагающий ту роскошь, которую ожидает любой богач: в палатах были плоские HD-телевизоры, DVD, кушетки, стулья, небольшие морозильники с соком из экзотических фруктов, еда, которая с тем же успехом могла подаваться в ресторанах, и беспроводной интернет для ноутбуков. Клиника даже заключила взаимовыгодное соглашение с Колдвеллским отелем «СтиллУэлл», лучшей пятизвездочной гостиницей верхнего Нью-Йорка, позволяющее пациентам оставаться там на ночь после лечения.

Перебор? Да. Была ли клиника переполнена? Конечно. Но на самом деле, компенсации, поступавшие от федерального правительства, снизились, страховые компании постоянно отказывались оплачивать необходимые медицинские процедуры, а Т.У. нужны были деньги для того, чтобы выполнять свою работу.

Угождение богатым этому способствовало.

Фишка была в том, что у докторов и медсестер Т.У. было два правила. Первое – предоставлять пациентам самый лучший уход и дозу сопереживания. Второе – никогда не отказывать пациентам. Никогда-никогда. Особенно, если это жертвы ожогов.

Не имело значения: ни сколько стоили такие процедуры, ни сколько они длились. Он никогда не говорил «нет». Особенно детям.

Если в нем видели дельца, потакавшего коммерческому спросу? Ладно. Без проблем. Он никогда не раздувал свою работу на поприще бесплатной медицинской помощи, и, если его коллеги из других городов, изображали его жадным до денег, он принимал этот удар.

Добравшись до лифтов, он поднял левую руку – ту, на которой остались шрамы, ту, на которой не было мизинца и кожа была покрыта пятнами.

Он был готов на все, чтобы удостовериться, что люди получают должную помощь. Кое-кто сделал это для него, и это полностью изменило его жизнь.

Спустившись на первый этаж, он прошел по длинному коридору до двери из красного дерева, ведущей в клинику косметологии. На стеклянной табличке небольшими буквами были вырезаны имена: его и нескольких коллег. Но никакого упоминания об услугах, предоставлявшихся внутри, не было.

Пациенты сказали ему, что им нравится этот дух эксклюзивности, атмосфера закрытого клуба.

Используя пропуск, он вошел. В приемной стоял полумрак, и не только потому, что освещение выключили после того, как рабочий день подошел к концу. Яркий свет не слишком хорошо действовал на пациентов определенного возраста, как и на тех, кто находился в пред- или послеоперационном состоянии. Кроме того, спокойная, расслабленная атмосфера была частью курортного образа, который они пытались создать. Пол был выложен желтоватой плиткой, стены окрашены в приятный темно-красный цвет, а в центре помещения мерцал фонтан, собранный из кремовых, белых и желтовато-коричневых камушков.

– Марсия? – позвал он, произнося имя «МАР–сии–я», на европейский манер.

– Да, доктор Франклин, – послышался ровный голос сзади, оттуда, где располагался офис.

Когда Марсия появилась из-за угла, Т.У. засунул левую руку в карман. Как обычно, она выглядела так, словно сошла с обложки Vogue: уложенные черные волосы и классический черный костюм.

– Ваш пациент еще не пришел, – сказала она с невозмутимой улыбкой. – Но я подготовила для вас вторую смотровую.

Марсия была сорокалетней женщиной, содержавшей себя в превосходной форме.

Она вышла замуж за одного из пластических хирургов и была, по мнению Т.У., единственной женщиной, за исключением Авы Гарднер, которой шла кроваво-красная помада. Гардероб ее был от Шанель. А саму ее наняли (и хорошо платили ей за это) как живое свидетельство прекрасной работы, выполнявшейся сотрудниками клиники.

Плюсом стал ее аристократический французский акцент. Особый эффект он производил на нуворишей.

– Спасибо, – сказал Т.У. – Будем надеяться, что пациент скоро появится и ты сможешь уйти.

– Так вам не нужна будет ассистентка, нет?

Вот это было еще одним большим плюсом Марсии: она не играла роль простой декорации – она приносила пользу как полноценно обученная медсестра, всегда готовая помочь.

– Я признателен за предложение, но ты просто пошли его ко мне, я сам со всем разберусь.

– Даже с регистрацией?

Он улыбнулся.

– Я уверен, что тебе хочется скорее попасть домой к Филлиппу.

– О, oui. У нас сегодня годовщина.

Он подмигнул ей.

– Кое-что об этом слышал.

Ее щеки слегка покраснели – это была одна из ее очаровательных черт. Она выглядела шикарно, но при этом оставалась естественной.

– Мой муж, он говорит, чтобы я встретила его у входа. Говорит, что у него сюрприз для жены.

– Я знаю, что это. Тебе понравится.

Да и какой женщине не понравится пара блестяшек от Гарри Уинстона?

Марсия поднесла руку ко рту, скрывая улыбку и внезапное возбуждение.

– Он так добр ко мне.

Т.У. почувствовал моментальный укол совести, подумав, когда он в последний раз дарил своей жене что-то легкомысленное и дорогое. Это было... ну, в прошлом году он купил ей Вольво.

Вау.

– Ты заслуживаешь этого, – резко сказал он, почему-то думая о том количестве ночей, что его жене пришлось провести в одиночестве. – Так что, пожалуйста, иди домой праздновать.

– Так и сделаю, доктор. Merci mille fois. – Марсия поклонилась и подошла к администраторской стойке, которая представляла собой лишь античный столик с телефоном, спрятанным на боку ящика, и ноутбуком, доступ к которому можно было получить, открыв панель из красного дерева. – Я выйду из системы и подожду, чтобы поприветствовать вашего пациента.

– Повеселись хорошенько.

Развернувшись и оставив позади ее сияние, он вытащил левую руку из кармана. Он всегда прятал ее от ассистентки по старой памяти о подростковом прошлом, прошедшем в неразрывной связи с чертовой штуковиной. Это было смешно. Он был счастливо женат, не испытывал никакого интереса к Марсии, так что это вообще не должно было иметь никакого значения. Хотя шрамы оставляли раны внутри тебя, а не до конца исцелившаяся кожа лишь время от времени посыпала их солью.

Три лазера, входившие в оборудование клиники, использовались для лечения варикозного расширения вен, врожденных пигментационных пятен и следов кожных инфекций. Их также применяли для коррекции кожи лица, снятия татуировок у раковых больных, получивших дозу радиационного облучения.

«Б.Налла» может подвергнуться одной из этих процедур. Но, если «оно» было избитым мужчиной, то явится за косметической коррекцией. Это казалось логичным... вечером, в полуподвальной клинике, со странным именем. Несомненно – это один из тех богачей с навязчивой идеей конфиденциальности.

Но, в любом случае, дойных коров стоит уважать.

Отправившись во вторую смотровую, которой он без особых на то причин отдавал предпочтение, Т.У. уселся за стол из красного дерева и вошел в компьютер, просмотрев список пациентов, назначенных на завтрашний день, а потом сосредоточился на отчетах его коллег-дерматологов, которые принес с собой.

Минуты текли одна за другой, и он начал злиться на богачей с их запросами и представлениями о том, что земля крутится вокруг них. Конечно... некоторые были нормальными, и все они помогла ему поддерживать начинания, но, черт, иногда ему просто хотелось выбить из них прерогативу вести себя так...

В дверях приемной показалась высокая женщина, и он застыл. Одежда на ней была самой простой: снежно-белая рубашка, заправленная в суперузкие синие джинсы. Но при этом на ногах у нее были туфли от Кристиана Лабутена с красной подошвой, а с плеч свисала Прада.

Она точно принадлежала к его типу частных клиентов, и не только потому, что носила на себе аксессуары огромной стоимости. Она была... Невероятно красивой, с темно-коричневыми волосами и сапфировыми глазами. Ради ее лица женщины ложились на хирургический стол.

Т.У. медленно встал, засовывая левую руку в карман.

– Белинда? Белинда Налда?

В отличие от других женщин своего класса (очевидно, у них это было в крови), она не провальсировала в кабинет так, словно владела этим местом. Она сделала лишь шаг вперед.

– Вообще-то, Бэлла.

При звуке ее голоса он испытал непреодолимое желание закрыть глаза. Низкий, хриловатый... но добрый.

– Я...– Т.У. прочистил горло. – Я доктор Франклин.

Он протянул свою здоровую руку, и она пожала ее. Он знал, что продолжал пялиться на нее, и не из профессионального интереса, но ничего не мог с собой поделать. За свою жизнь он видел множество красивых женщин, но такой как она – никогда. Словно она прилетела с другой планеты.

– Пожалуйста... пожалуйста, проходите, присаживайтесь. – Он указал на покрытое шелком кресло, стоявшее рядом со столом. – Сейчас составим анамнез и...

– Я не пациент. Мой хел... муж – пациент. – Она глубоко вздохнула и оглянулась. – Любимый?

Т.У. отскочил назад и с такой силой ударился об стену, что акварель, висевшая рядом, упала на пол. Первая мысль, посетившая его, когда человек вошел в дверь, была о том, что, наверное, стоило бы поближе подобраться к телефону, чтобы вызвать охрану.

На лице этого мужчины был шрам и черные глаза серийного убийцы, а войдя, он заполнил собой всю комнату: он был достаточно велик и достаточно широк, чтобы работать боксером-тяжеловесом, но, Господи, его размеры были самой меньшей твоей проблемой, когда взгляд его падал на тебя. Внутри он был мертв. Никаких эмоций. Что делало его способным на все.

И Т.У. мог поклясться, что температура в комнате действительно начала снижаться, когда мужчина остановился рядом со своей женой.

Женщина заговорила, спокойно и тихо:

– Мы здесь, чтобы узнать, можно ли избавиться от его татуировок.

Т.У. сглотнул и приказал себе собраться. Окей, может, этот головорез просто был

обычной звездой панк-рока. Музыкальный вкус Т.У. скорее склонялся в сторону джаза, так что он не смог бы опознать этого парня в кожаных штанах, черной водолазке, с туннелем в ухе... что многое объясняло. В том числе, и модельную красоту его жены. У большинства певцов ведь были роскошные женщины, так?

Да... Единственной проблемой в этой теории был черный взгляд. Это была не искусственно вылепленная, коммерчески выгодная, агрессивная внешность. В нем была настоящая жестокость. Далекая от морали и нравственности.

– Доктор? – спросила женщина. – Это может стать проблемой?

Он сглотнул, жалея, что отпустил Марсию. Но она же была женщиной, с детьми и все такое.

Вероятно, безопаснее для нее не быть здесь.

– Доктор?

Он просто продолжал смотреть на парня – тот не двигался, лишь дышал.

Черт, да если бы здоровый ублюдок захотел, он был уже разнес это место к чертям. Но вместо этого?

Он просто стоял там.

И стоял.

И... стоял.

В конце концов, откашлявшись, Т.У. решил, что, если бы и были какие-то неприятности, то они бы уже случились.

– Нет, никаких проблем. Я присяду. Сейчас.

Он опустился на стул, стоявший за столом, и, наклонившись в сторону, открыл ящик холодильника, в котором стоял целый ассортимент газированной воды.

– Могу я предложить вам выпить?

Когда они оба отказались, он вскрыл лимонную Перье и заглотил половину словно то был скотч.

– Так. Мне нужно составить анамнез.

Жена села в кресло, а муж продолжал нависать над ней, не сводя глаз с Т.У. Хотя в них было кое-что странное. Они держались за руки, и у Т.У. сложилось впечатление, что она каким-то образом сдерживает его.

Призывая на помощь опыт, он вытащил свой Уотерман и начал задавать стандартные вопросы. Отвечала жена: никаких известных аллергий; никаких хирургических операций; никаких проблем со здоровьем.

– Эмм... где татуировки?

Господи, пожалуйста, только не ниже талии.

– На его запястьях и шее. – Глаза, обратившись к мужу, засветились – Покажи ему, любимый.

Мужчина закатал рукав. Т.У. нахмурился – профессиональное любопытство взяло верх. Черные отметки были удивительно плотными, и хотя он и близко не стоял к экспертам по татуировкам, он мог с увертливостью сказать, что никогда не видел такого глубокого проникновения краски.

– Очень темные, – сказал он, наклоняясь. Что-то подсказало ему, что не стоит трогать мужчину, пока это не станет необходимым, и, следуя интуиции, он придержал руки. – Они очень, очень темные.

«Почти как наручники», – подумал он.

Т.У. откинулся на стуле.

– Я не уверен, что вы подходящий кандидат на лазерное удаление. Чернила кажутся такими плотными, что как минимум понадобится несколько подходов только для того, чтобы проделать в пигментации хоть отверстие.

– Но вы все равно попытаетесь? – спросила жена. – Пожалуйста?

Брови Т.У. взлетели вверх. Слово «пожалуйста» не входило в лексикон его «нижних»

клиентов. И тон ее также не соответствовал местным посетителям – тихое отчаяние, сквозившее в нем, чаще слышалось в голосах членов семей пациентов, обследовавшихся на верхних этажах. Для них медицинские решения имели жизненно важное значение, это не были проблемы, связанные с морщинками вокруг глаз или рта.

– Я могу попытаться, – сказал он, вдруг поняв, что, если она снова скажет что-то подобным тоном, он съест собственную ногу только для того, чтобы угодить ей.

Он взглянул на мужа.

– Не могли бы вы снять водолазку и забраться на стол?

Жена сжала его большую руку в своей.

– Все нормально.

Его лицо с провалившимися щеками и суровой линией подбородка обратилось к ней – казалось, он черпает из ее глаз осязаемую силу. Через мгновение он подошел к столу, забросил свое огромное тело наверх и снял водолазку.

Т.У. встал со стула и обошел стол...

Он застыл. Спина мужчины была покрыта шрамами. Шрамами... они выглядели так, словно остались после хлыста.

За всю свою медицинскую практику он не видел ничего подобного, и понял, что это, должно быть, было следствием какой-то пытки.

– Мои тату, док, – резко произнес муж. – Ты должен поедать глазами мои тату, буду за это тебе очень благодарен.

В ответ Т.У. лишь моргнул, и муж покачал головой.

– Ничего не получится...

Его жена подалась вперед.

– Нет, получится. Все...

– Давай найдем кого-то другого.

Т.У. обошел мужчину и, глядя тому в лицо, загородил проход к двери. Он медленно достал левую руку из кармана. Черный взгляд потяжелел, сосредоточившись на покрытой пятнами коже и изуродованном мизинце.

Пациент удивленно посмотрел на его; глаза сузились, словно он гадал: как далеко распространился ожог?

– По всей руке до плеча и на спине, – сказал Т.У. – Дом загорелся. Мне было десять. Был закрыт в своей комнате. Пока горел, был в сознании... все время. Потом провел восемь недель в больнице. Перенес семнадцать операций.

Последовала секунда тишины, словно муж выстраивал цепочку умозаключений в своей голове: если ты был в сознании, ты чувствовал запах поджаривающейся кожи и чувствовал каждую вспышку боли. И в больнице... операции...

Внезапно все тело мужчины расслабилось, напряжение вытекало из него, словно вода из открытого крана.

Т.У. часто видел подобное у своих ожоговых больных. Если ваш доктор знал, что это значит: быть там, где были вы, – и знал не потому, что его научили этому в медицинской школе, а потому, что сам пережил это, с ним вы чувствовали себя в безопасности – вы оба были членами одного эксклюзивного клуба жестокости.

– Так ты можешь сделать что-то с этими шутовскими, док? – спросил мужчина, положив предплечья на бедра.

– Я могу прикоснуться к вам?

Изуродованная губа мужчины слегка приподнялась, словно Т.У. только что получил очередное очко в свою пользу.

– Ага.

Т.У. намеренно работал обеими руками: так пациент мог довольно долго разглядывать его шрамы и сильнее расслабляться.

Закончив, он отступил назад.

– Ну, я не уверен, что получится, но давайте попробуем...

Т.У. поднял глаза и застыл. Радужки мужчины... теперь были желтыми. Ни следа черного цвета.

– Не обращай внимания на мои глаза, док.

Из ниоткуда в его мозгу появилось мысль о том, что нет ничего плохого в том, что он только что увидел. Правильно. Ничего. Особенного.

– На чем я остановился?.. О, да. Давайте дадим лазеру шанс. – Он повернулся к жене.

– Вероятно, вы захотите поставить кресло поближе и держать его за руку? Думаю, так ему будет лучше. Я начну с запястья – посмотрим, как пойдет.

– Мне нужно лечь? – мрачно спросил пациент. – Потому что я не думаю, что... да, мне это может не понравиться.

– Да нет, необязательно. Вы можете сидеть, даже, когда будем обрабатывать шею, тогда я дам вам зеркало, чтобы вы видели, что я делаю. Я все время буду объяснять свои движения, говорить, что вы, скорее всего, почувствуете. Мы можем остановиться в любой момент. Ваше слово – и все закончится. Контроль в ваших руках. Хорошо?

В повисшей тишине они оба уставились на него. А потом неровным голосом жена сказала:

– Вы, доктор Франклин, просто лапочка.

«У пациента невероятная терпимость к боли», – час спустя подумал Т.У., постукивая ногой по деревянной половице, направляя красный луч лазера на чернила, пропитавшие кожу мощного запястья. Просто невероятнейшая терпимость к боли. Каждое прикосновение было равносильно удару резиновым ремешком, что, конечно, было не так страшно, если приходилось вытерпеть один или два раза. Но большинству пациентов нужен был перерыв после нескольких минут работы. Этот парень? Даже ни разу не вздрогнул. Так что Т.У. продолжал и продолжал.

Конечно, проколотые соски, туннель в ухе и все эти шрамы явно демонстрировали его близкое знакомство с болью, как по собственному желанию, так и без него.

К сожалению, его татуировки лазеру совершенно не поддавались.

Выругавшись, Т.У. тяжело вздохнул и встряхнул правой рукой – она начала уставать.

– Все хорошо, док, – мягко сказал пациент. – Ты сделал все, что мог.

– Я просто не понимаю. – Он снял защитные очки и посмотрел на машину. На мгновение в его голову даже закралась мысль о том, что оборудование работает неправильно. Но он видел лазерный луч. – Цвет вообще не изменился.

– Док, на самом деле, все окей. – Пациент снял свои очки и слегка улыбнулся. – Я очень признателен тебе, что ты воспринял это так серьезно.

– Проклятье.

Т.У. чуть откинулся на табуретке и взглянул на чернила.

Непонятно откуда взявшиеся слова сорвались с его губ. Он ничего не мог поделать, хотя и понимал, что это, вероятно, далеко от профессионализма.

– Вы ведь не добровольно их получили, так ведь?

Жена заерзала на кресле, словно возможный ответ тревожил ее. Но муж просто покачал головой.

– Да, док. Недобровольно.

– Проклятье. – Он скрестил руки на груди и обратился к энциклопедическим знаниям о человеческой коже. – Я просто не понимаю, почему... И пытаюсь обдумать какие-то другие варианты. Не думаю, что химическое удаление даст больше эффекта. В смысле, вы взяли от лазера все по максимуму.

Удивительно изящные пальцы мужа пробежали по запястью.

– А мы можем просто вырезать их?

Жена покачала головой.

– Не думаю, что это удачная мысль.

– Она права, – прошептал Т.У., наклоняясь и прикасаясь к коже. – Ваша кожа обладает отличной эластичностью, но вам ведь еще нет тридцать, так что это вполне объяснимо. Придется вырезать полосками, потом зашивать. Останутся шрамы. А вокруг шеи я бы не рекомендовал это делать. Слишком рискованно из-за артерий.

– Что, если шрамы не проблема?

Он не собирался обсуждать этот вопрос. Учитывая спину этого мужчины, шрамы были очень спорным вопросом.

– Я бы не советовал.

Повисла тишина, в которой он продолжал обдумывать альтернативы, а они молчали, стараясь не мешать ему. Так ничего и не придумав, он просто уставился на них. Роскошная жена сидела рядом со своим устрашающим мужем. Одной ладонью она сжимала его руку, другой поглаживала по изуродованной спине.

Очевидно, шрамы не снижали его ценности в ее глазах. Для нее весь он был прекрасен, несмотря на состояние его кожи.

Т.У. подумал о собственной жене. Она была точно такой же.

– Идеи кончились, док? – спросил муж.

– Мне очень жаль. – Он огляделся вокруг, ненавидя ощущение подобной беспомощности. Как врача его учили делать что-то. Как человеку с сердцем ему было необходимо делать что-то. – Мне очень-очень жаль.

На лице мужа снова появилась эта слабая улыбка.

– Ты лечишь много людей с ожогами, так ведь?

– Это моя специализация. В основном детей. Ну, знаете, из-за...

– Да, понимаю. Спорю, ты хорошо с ними обращаешься.

– Как можно иначе?

Пациент наклонился вперед и положил свою громадную руку на плечо Т.У.

– Мы сейчас уйдем, док. Но моя шеллан оставит оплату там, на столе.

Т.У. бросил взгляд на жену, склонившуюся над чековой книжкой, и покачал головой.

– Почему бы нам не разойтись просто так. Я ничем вам не помог.

– Не, мы потратили твое время. Мы заплатим.

Т.У. пару раз тихо выругался. А потом просто выпалил:

– Черт возьми.

– Док? Посмотри на меня.

Т.У. поднял глаза на парня. Черт, это желтый взгляд был совершенно гипнотическим.

– Уау. У вас невероятные глаза.

Улыбка пациента стала шире, показавшиеся зубы... не были нормальными.

– Спасибо тебе док. Теперь послушай. Тебе, вероятно, будут сниться сны об этом, и я хочу, чтобы ты запомнил, что я в порядке.

Т.У. нахмурился.

– Почему мне должны сниться...

– Просто помни: все, что случилось – нормально, я в порядке. Зная тебя, уверен, что именно это будет тебя беспокоить.

– Я все равно не понимаю, почему у меня будут...

Т.У. моргнул и оглядел приемную. Он сидел на маленькой табуретке на колесиках, которую использовал при работе с пациентами, к смотровому столу было подвинуто кресло, а в руках он держал очки, защищающие от лазера... но кроме него в комнате никого не было.

Странно. Он мог бы поклясться, что только что разговаривал с самыми поразительными...

Он потер внезапно заболевшие виски и вдруг почувствовал ужасную усталость... усталость и непонятное огорчение: словно он провалил то, что было для него очень важным.

И беспокойство. Беспокойство о му...

Головная боль усилилась, и он встал и подошел к столу. На нем лежал конверт, простой белый конверт, на котором аккуратным почерком было написано: «В благодарность Т.У. Франклину, доктору медицины, в помощь его усилиям по обеспечению прекрасной работы отделения».

Он перевернул его, оторвал загнутый край и достал чек.

У него отвисла челюсть.

Сто тысяч долларов. Для дерматологического отделения больницы Святого Франциска.

В чеке было казано имя Фритца Перлмуттера, но ничего похожего на адрес, лишь краткое указание: «Национальный Банк Колдвелла, частная клиентская группа».

Сто тысяч долларов.

Воспоминание об изуродованном шрамами муже и прекрасной жене мелькнули в его сознании, но были похоронены под новой волной головной боли.

Т.У. взял чек и просунул его в карман своей рубашки, потом выключил лазер, компьютер и отправился к черному выходу из клиники, по пути он тушил свет.

По дороге домой он вдруг понял, что все время думает о своей жене, о том, какой она была, когда впервые увидела его после пожара столько лет назад. Ей было одиннадцать, и она пришла провести его вместе с родителями. Он чуть не умер в тот момент, когда она вошла в дверь, потому что, уже тогда влюбленный в нее, лежал прикованным к больничной койке наполовину обернутый бинтами.

Она улыбнулась, взяла его здоровую ладонь и сказала, что, как бы ни выглядела его рука, она все равно хочет быть его другом.

Она сказала это на полном серьезе. И доказала это. Не однажды.

Даже полюбила его больше, чем просто друга.

Иногда Т.У. казалось, что, когда тот, кто важен для тебя, не обращает внимания на огрехи твоей внешности, ты истинно исцеляешься.

По дороге он проехал мимо ювелирного магазина, наглухо закрытого на ночь, а потом мимо цветочного, и мимо антикварного, который так любила его жена.

Она подарила ему троих детей. Почти двадцать лет брака. И время, и пространство, чтобы делать карьеру.

Он одарил ее кучей одиноких ночей. Ужинами только с детьми. Однодневными или двухдневными каникулами, привязанными с дерматологическими конференциями.

И Вольво.

Т.У. потребовалось двадцать минут, чтобы добраться до Ханнафорд, который был открыт всю ночь. Он бросился в супермаркет бегом, хотя никаких временных ограничений на работу тот не предполагал.

Отдел, где продавались цветы, располагался слева от автоматических дверей, через которые он вошел внутрь. Увидев розы, хризантемы и лилии, он подумал о том, чтобы подогнать задом к магазину свой Лексус и завалить багажник цветами. И заднее сидение тоже.

Впрочем, в конце концов, он выбрал один единственный цветок и по пути домой с превеликой осторожностью держал его, зажав между указательным и большим пальцем.

Он заехал в гараж, но не стал входить через кухню. Вместо этого он прошел к парадной двери и позвонил.

Прекрасное, такое знакомое лицо его жены показалось в длинном узком окне, пара

которых украшала фасад, выполненный в колониальном стиле. Она была в замешательстве, открывая дверь.

– Ты забыл свои...

Т.У. вытянул вперед обожженную руку с цветком.

Это была одинокая маленькая маргаритка. Точна такая же, как те, что она приносила ему раз в неделю в больницу. Два месяца подряд.

– Я не достаточно отблагодарил тебя за все, – прошептал Т.У. – И не достаточно часто говорил, что люблю тебя. Или что я думаю, что ты такая же красивая, какой была в тот день, что я женился на тебе.

Дрожащими руками его жена взяла цветок.

– Т.У.... ты в порядке?

– Боже... одно то, что тебе приходится спрашивать об этом только потому, что я принес цветок... – Он покачал головой и притянул ее в объятия, сжимая изо всех сил. – Прости меня.

Их дочь-подросток, проходившая мимо, закатила глаза, направляясь к лестнице.

– Снимите номер.

Т.У. отклонился назад и заправил чуть тронутые сединой волосы жены ей за уши.

– Думаю, нам стоит последовать ее совету, что скажешь? И кстати, мы поедем куда-нибудь на нашу годовщину, и это не будет связано с конференциями.

Его жена улыбнулась и совершенно просияла.

– Что с тобой случилось?

– Сегодня у меня был этот пациент с женой... – Он вздрогнул и потер виски. – То есть... о чем это я?

– Как насчет ужина? – Спросила его жена, обнимая его сбоку. – А потом обсудим номер.

Закрывая дверь, Т.У. наклонился к ней. Пока они, обнявшись, шли по коридору на кухню, он поцеловал ее.

– Звучит прекрасно. Просто прекрасно.

Глава 10

А в особняке Братства Зед стоял у одного из окон их с Бэллой спальни и смотрел вниз на террасу и сады позади. Запаяв жгло в тех местах, где поработал лазер, но боль была несильной.

– Все оказалось не таким уж неожиданным, – сказал он. – Кроме того, что док мне понравился.

Бэлла подошла сзади и обняла его за талию.

– Он хороший парень, правда?

Они стояли вместе, а огромное множество «что дальше?» витало в воздухе. К несчастью, у него не было ответов. Он полагался на удаление меток, словно это каким-то образом изменило бы все к лучшему.

Хотя на его лице в любом случае остался бы шрам.

В детской Налла что-то пробормотала, а потом раздалась икота. И плач.

– Я только что покормила ее и сменила пеленки, – отодвинувшись, произнесла Бэлла. – Даже не знаю, из-за чего это...

– Позволь мне проверить ее, – напряженно прошептал он. – Посмотрим, может я...

Бэлла приподняла брови, и потом кивнула.

– Хорошо, я побуду здесь.

– Я не уроню ее. Обещаю.

– Я знаю. Просто убедись, что поддерживаешь головку.

– Хорошо. Понял.

Заходя в детскую, Зед ощущал себя так, будто выходит невооруженным к толпе лессеров.

Словно почувствовав его, Налла издала свист.

– Это твой отец. Папа. Папочка.

Как она будет его называть?

Он подошел ближе и посмотрел на свою дочь. На ней была пижамка «Рэд Сокс», несомненно, подарок Вишеса и/или Бутча, а нижняя губа дрожала, словно хотела прыгнуть с подбородка, но боялась падения.

– Почему ты плачешь, малышка? – мягко спросил он.

Она потянулась к нему ручками, и он посмотрел в сторону двери. Обрадовался, что Бэллы там не было.

Он не хотел, чтобы кто-нибудь видел, как неуклюже он потянулся к кроватке и...

Налла идеально расположилась в его руках, попка – в одной его, головка бережно лежала в другой. Когда он, выпрямившись, поднял ее, она оказалась на удивление крепенькой, и теплой, и...

Она ухватила за его воротничок и потянулась, требуя близости... и подчиниться ей оказалось невероятно легко. Когда он прижал ее к своей груди, она мгновенно успокоилась, сливаясь своей плотью с его телом.

Держать ее в своих руках было так естественно. Он подошел к креслу-качалке и сел в него, отталкиваясь одной ногой, раскачивая их вперед-назад.

Уставившись на ее реснички, пухлые щечки и мертвую хватку на воротничке, он осознал, насколько сильно она нуждалась в нем – и не просто потому, что он защищал ее. Она нуждалась и в его любви.

– Похоже, вы ладили, – тихо произнесла Бэлла, стоя в дверях.

Он поднял глаза.

– Кажется, я ей нравлюсь.

– Разве могло быть иначе?

Снова посмотрев на дочь, он сказал:

– Было бы здорово, если бы их удалили. Татуировки. Но она в любом случае, спросит о шраме.

– Она все равно будет любить тебя. Уже любит.

Он пробежался указательным пальцем по ее ручке, поглаживая, и она еще сильнее прижалась к его сердцу и поиграла в ладушки с его свободной рукой.

Внезапно, он сказал:

– Ты мало рассказывала мне о своем похищении.

– Я... не хотела тебя расстраивать.

– Ты считаешь, меня стоит защищать от вещей, способных огорчить?

– Нет.

– Уверена в этом?

– Зейдист, я так делаю только потому, что думаю...

– Какой из меня мужчина, раз я даже не был рядом, когда был тебе нужен?

– Ты всегда рядом со мной. И мы уже об этом говорили.

– Говорили.

Боже, он чувствовал себя таким дерьмом – ей столько всего приходилось делать одной из-за его добаных мозгов.

И все же ее голос звучал твердо и уверенно, когда она произнесла:

– Если говорить о похищении... я не хочу, чтобы ты хоть что-то знал. Не потому, что ты не сможешь с этим справиться, а потому, что я не хочу давать этому ублюдку шанс еще хоть как-то влиять на мою жизнь. – Она покачала головой. – Я не стану давать ему возможность разозлить тебя, если того можно избежать. Ни в коем случае – вот в чем правда, и неважно, пережил ли ты что-нибудь травмирующее или нет.

Пробурчав что-то, Зед дал знать, что услышал ее, но не согласился. Он хотел дать ей все, в чем она нуждалась. Она не заслужила меньшего. Но прошлое мучило его. До сих пор. Боже, то, как он вел себя с Наллой...

– Можно я скажу кое-что по секрету?

– Конечно.

– Мэри хочет ребенка.

Глаза Зеда распахнулись.

– Правда? Это отличная...

– Биологического.

– О.

– Да. Она не может иметь своего, и значит, Рейджу придется переспать с Избранной. Зед покачал головой.

– Он никогда этого не сделает. Он не будет ни с кем кроме Мэри.

– Она тоже так говорит. Но если он не сделает, то Мэри не сможет держать на руках его частичку.

Да, потому что искусственное оплодотворение не действует на вампиров.

– Она еще не говорила с Рейджем на эту тему, потому что хочет сперва разобраться в себе. Она рассказала обо всем, что переживает сейчас, мне, вместо того, чтобы выжимать все соки из него. Порой она так сильно хочет ребенка, что думает, что сможет вынести это. Но потом все меняется, и она не может допустить даже мысли об этом и подумывает об усыновлении. Я к тому, что ты не можешь решить абсолютно все со своим партнером. И не должен. И, тем не менее, ты был рядом тогда. Ты рядом со мной сейчас. Я не сомневаюсь в этом. Но это не значит, что я должна вытягивать из тебя правду. Исцеление зависит от множества факторов.

Он попытался представить, как рассказывает Бэллэ во всех подробностях о насилии, которому подвергался... Нет... он ни за что на свете не разобьет ее сердце гребаным кошмаром, через который прошел.

– Ты обсуждала это с кем-нибудь? – спросил Зед.

– Да, у Хэйверса. И говорила с Мэри. – Последовала пауза. – И я отправилась... туда, где меня держали.

Его глаза взметнулись и уставились на нее.

– Да?

Она кивнула.

– Должна была.

– Ты не говорила мне.

Твою мать, она была там? Без него?

– Мне нужно было. Ради себя. Нужно было пойти одной, и я не хотела спорить. Лишь убедилась, что Роф знает о моем уходе, и сообщила ему сразу, как вернулась.

– Черт... я должен был знать. Чувствую себя дерьмовым хеллреном.

– Кто угодно, только не ты. Особенно сейчас, когда так держишь свою дочку.

Последовала длинная пауза.

– Слушай, – сказала она, – если это поможет, то могу сказать, что никогда не чувствовала, будто не могу с тобой чем-то поделиться. Я никогда не сомневалась в том, что ты поможешь и поддержишь меня. Но просто потому, что мы женаты, еще не значит, что я больше не принадлежу самой себе.

– Я знаю... – Он подумал минутку. – Я не хотел возвращаться туда, где... В этот замок. Если бы она не держала в плену еще одного мужчину в том подвале... я никогда бы не вернулся.

И сейчас он не мог. То место, в Старом Свете, где его удерживали, давным-давно продали людям – сейчас там располагается Национальный трест.

– Ты почувствовала себя лучше? – неожиданно спросил он. – После того, как

побывала в том месте?

– Да, потому что Вишес сжег его дотла. Исцеление стало более полным.

Зед рассеянно потер кругленький животик Наллы, пристально смотря на свою шеллан.

– Странно, что мы раньше не говорили об этом.

Бэлла улыбнулась и кивнула на малышку.

– Нужно было сосредоточить внимание на кое-чем другом.

– Могу я быть честным? Кретину, живущему во мне, нужно удостовериться, что ты знаешь: если бы ты захотела, чтобы я поехал с тобой в это место, я бы сделал это и был бы рядом.

– Безусловно знаю. Но все равно, я хотела поехать одна. Не могу объяснить... я просто должна была это сделать. Вопрос мужества.

Налла, посмотрев в сторону мамы, изогнулась и забормотала, требуя чего-то.

– Думаю, она хочет того, что только ты можешь дать ей, – улыбаясь, произнес Зед, поднявшись с кресла.

С Бэллой они встретились на середине комнаты. Передавая ребенка, он поцеловал шеллан и немного задержался, не отпуская ребенка.

– Мне нужно уйти, хорошо? – сказал он. – Ненадолго.

– Будь осторожен.

– Обещаю. Я же должен заботиться о своих девочках.

Зейдист вооружился и дематериализовался на запад города, где обширный лес протянулся в самой гуще сельской местности.

Впереди, в пятидесяти футах, предстал открытый участок земли, прямо у ручья, но вместо находившегося там пустого пространства между соснами, он представил однокомнатный домик, отделанный фанерой, с жестяной крышей.

Пришедшее ему в голову, было также реально, как и деревья вокруг и звезды в ночном небе: здание было построено на скорую руку Обществом Лессенинг для временного пользования. Но происходящее внутри носило постоянный характер.

Он прошел к пустоши. Ветки лесного настила хрустели под ботинками, напоминая спокойное пламя в камине.

Но мысли его были далеки от спокойствия и дружелюбия.

Пройдя через дверь этого строения, можно было увидеть душевую кабинку и бадью из гипсокартона с туалетным сиденьем сверху. В течение шести недель Бэлла мылась в кабинке четыре на четыре фута и, он знал наверняка, не в одиночестве. Этот ублюдочный лессер наблюдал за ней. Возможно, помогал.

Черт, одна мысль о чем-то подобном снова пробуждала желание поймать подонка. Но Бэлла позаботилась о его смерти, так ведь? Именно она выстрелила ему в голову, пока ублюдок стоял перед ней, плененный своей извращенной любовью...

Черт.

Встряхнувшись, Зед представил, что снова стоит в комнате здания. Слева, на стеллаже, на непрочных деревянных полках, удерживаемых хлипкими кронштейнами, лежали пыточные инструменты. Зубила, ножи, ножовки... он помнил, какими отполированными они были.

Огнеупорный стенной шкаф, с которого он сорвал двери.

И стол для вскрытия из нержавеющей стали, весь покрытый свежей кровью.

Его он отшвырнул в угол, словно кусок мусора.

Он хорошо помнил, как они ворвались в строение. Он искал Бэллу несколько недель, после того, как лессер вломился в дом и похитил ее. Все думали, что она мертва, но он отказывался в это верить. Его мучила необходимость вызволить ее... необходимость,

которую он не понимал, но не мог отрицать.

Переломный момент наступил, когда гражданский вампир спасся из центра убеждения, как его называло Общество Лессенинг, и вычислил местоположение, дематериализуясь через каждые сто ярдов от места и оставляя метки. С помощью карты, которую он нарисовал Братству, Зед пришел сюда за своей женщиной.

Сперва он обнаружил выжженный круг на земле прямо за дверью. Он решил, что это была Бэлла, погибшая на солнце. Он рухнул на колени и дотронулся рукой до круга из пепла, его зрение стало расплывчатым, он не знал почему.

Слезы. В глазах стояли слезы. А он так давно не плакал, что даже не понял, что это.

Вернувшись к реальности, Зед собрался с духом и шагнул вперед, ступая ботинками по короткой, заросшей сорняками траве. Как правило, когда Вишес использовал свою руку, не оставалось ничего, кроме пепла и мелких металлических частиц – это же случилось и здесь. Но из-за подбирающегося все ближе подлеска пустошь должна была вскоре зарости.

Однако три трубы, врытые в землю, остались. И будут существовать, сколько бы сосен не выросло рядом.

Опустившись на колени, он вытащил свой Маглайт и направил луч в дыру, где держали Бэllu. Отверстие было наполнено сосновыми иголками и водой.

Он нашел ее в этой дыре в декабре и мог только представить окружавший ее холод... Холод, темноту и давление рифленого металла.

Он почти упустил эти подземные темницы. Бросив стол через комнату, он услышал поскуливание – именно оно и привело его сюда, к этим трем трубам. Откинув крышку клетки, откуда раздавался звук, он понял, что нашел ее.

Однако это была не она. Когда он потянул одну из веревок, ведущих в дыру, появился гражданский мужчина, дрожавший словно ребенок.

Бэлла лежала без сознания в одной из других труб.

Пытаясь вытащить ее, Зед получил пулевое ранение в ногу – спасибо охранной системе, которую Рейдж обезвредил лишь частично. Даже с попавшей в ногу пулей, он ничего не почувствовал, когда, опустившись на колени, медленно потянул за веревку. Сначала он увидел красно-коричневые волосы любимой, и головокружительное облегчение окутало его теплым облаком. Но потом стало видно ее лицо.

Ее глаза были зашиты. Зед поднялся на ноги, тело восстало против воспоминания: живот скрутило, а горло сжалось.

Он ухаживал за ней после. Купал ее. Позволил ей пить из него, хотя одна мысль о проржавевшем дерьме в венах выкидывала его на грань истерики.

Он обслужил ее во время жажды. Вследствие чего появилась Налла.

Взамен? Бэлла вернула ему жизнь.

Зед в последний раз оглянулся, видя не пейзаж, но правду. Бэлла могла быть меньше его и на сто фунтов легче, могла быть необучена боевым искусствам и не знать, как стрелять... но она была сильнее его.

Она преодолела то, что с ней сделали.

Он задумался, оглядывая пустошь. Могло ли прошлое быть лишь строением в твоих мыслях, которое можно сжечь и освободиться?

Он прошелся взад-вперед по своим следам на лесной подстилке. Сорняки торчали из земного покрова, словно зеленые усы, распространяясь именно там, где было больше солнечного света.

Новая жизнь возрождалась из пепла.

Зед достал телефон и набрал текст, который никогда бы раньше не набрал.

Потребовалось четыре попытки, чтобы напечатать верно. И нажав отправку, он каким-то образом почувствовал, что изменил направление своей жизни.

«Я могу это сделать, так ведь?» – подумал он, убирая Рэйзер назад в карман.

Ты можешь выбирать одни дорожки, а не другие. Не всегда, конечно. Порой судьба

просто ведет тебя к пункту назначения, высаживает там, и ничего с этим не поделаешь.

Но иногда ты сам выбираешь адрес. И если у тебя есть хоть немного мозгов, как бы ни было трудно или странно, ты зайдешь в дом.

И обретишь себя.

Глава 11

Час спустя Зейдист находился в подвале особняка Братства, сидя около угольной печи. Эта штука была реликвией из 1900-ых годов, но работала исправно, так что не было причин для ее замены. К тому же, постоянное горение угля стоило усилий, а доджены любили повседневную рутину. Чем больше работы по дому, тем лучше.

У огромной печи спереди было маленькое окошко, сделанное из закаленного стекла дюймо́м в ширину, а по ту сторону пылало пламя, ленивое и горячее.

– Зейдист?

Он потер лицо и не стал оборачиваться на звук знакомого женского голоса. На каком-то уровне он просто не мог поверить, что собирался сделать то, зачем пришел, а желание убежать стало нестерпимым.

Он откашлялся.

– Привет.

– Привет.

Последовала пауза, а затем Мэри произнесла:

– Пустое кресло рядом с тобой приготовлено для меня?

На этот раз он обернулся. Мэри, стоявшая у подножия подвальной лестницы, была одета как всегда: в штаны цвета хаки и свитер. С левого запястья свисал огромный золотой Ролекс, а в мочках ушей поблескивали маленькие жемчужины.

– Да, – сказал он, – для тебя... Спасибо, что пришла.

Мэри приблизилась, ее мокасины слегка шаркали по бетонному полу. Сев на батистовое кресло, она передвинула его так, чтобы оказаться лицом к Зеду, а не к печи.

Он потер свой бритый череп.

Молчание затянулось, по комнате пробежался холодок... наверху кто-то включил посудомоечную машину... а на кухне зазвонил телефон.

В конце концов, чувствуя себя по-дурацки из-за молчания, он показал ей одно из своих запястий.

– Мне нужно потренироваться над тем, что я скажу Налле, когда она спросит об этом. Мне просто... нужно иметь что-то наготове для ответа. Что-то... правильное, понимаешь?

Мэри медленно кивнула.

– Да, понимаю.

Он повернулся к печи и вспомнил, как горел в ней череп Госпожи. Он понял, что это было равноценно сожжению того места, где держали Бэллу. Он не мог все спалить замок дотла... однако, было в огне что-то очищающее.

Не сделанное им и было следующей ступенью исцеления.

Спустя какое-то время Мэри спросила:

– Зейдист?

– Да?

– Что это за отметки?

Он нахмурился и взглянул на нее, гадая: знает ли она? Но... хм, она же была человеком. Может и не знала.

– Это рабские метки. Я был... рабом.

– Было больно, когда их наносили?

– Да.

– Это сделал тот же человек, что порезал твое лицо?
– Нет, это был хеллрен моей хозяйки. Моя хозяйка... нанесла эти метки. Но именно он оставил шрам.
– Как долго ты был рабом?
– Сто лет.
– Как ты освободился?
– Фьюри. Фьюри меня вытащил. Вот как он лишился ноги.
– Тебе причиняли боль, пока ты был в рабстве?
Зед сглотнул.
– Да.
– Ты все еще вспоминаешь об этом?
– Да. – Он посмотрел на свои руки. По непонятной причине они внезапно заболели. О, верно. Он сомкнул кулаки и сжал их так сильно, что пальцы едва не отваливались от костяшек.
– Рабство все еще существует?
– Нет. Роф объявил его вне закона. В качестве свадебного подарка для меня и Бэллы.
– Каким именно ты был рабом?
Зейдист зажмурился. О, да. На этот вопрос он и не хотел отвечать.
Какое-то время он мог лишь удерживать себя в сидячем положении. Но потом притворно спокойным тоном, он ответил:
– Я был рабом крови. Женщина использовала меня ради крови.
Последовавшая тишина легла на него ощутимым грузом.
– Зейдист? Можно положить руку на твою спину?
Его голова сделала движение, похожее на кивок, и нежная ладонь Мэри опустилась на его лопатку. Она гладила его медленными, легкими кругами.
– Это правильные ответы, – произнесла она. – Все.
Он быстро заморгал, когда пламя в печном окне стало расплывчатым.
– Думаешь? – хрипло спросил он.
– Нет. Я знаю.

Эпилог

Шесть месяцев спустя...

– И что у нас здесь за шум, сокровище?
Зайдя в детскую, Белла обнаружила Наллу, стоявшую в детской кроватке: ее руки сжимали перила, а маленькое личико покраснело и сжалось из-за крика. Абсолютно все было разбросано по полу: подушка, мягкие игрушки, одеяло.
– Похоже, у тебя опять конец света, – произнесла Белла, подхватив свою плачущую дочь и взглянув на беспорядок. – И о чем нам это говорит?
Внимание лишь подстегнуло поток слез.
– Ну хватит, попытайся дышать – так ты станешь еще громче... Хорошо, ты уже ела, и, значит, это не голод. И ты сухонькая. – Еще больше рева. – Кажется, я знаю, в чем дело...
Белла посмотрела на часы.
– Мы, конечно, можем попробовать, но я не уверена, что время подходящее.
Наклонившись, она подхватила с пола любимое розовое одеяльце Наллы, завернула в него малышку и направилась к двери. Налла немного успокоилась, когда они покинули детскую и прошли по коридору со статуями к парадной лестнице, а путешествие через туннель к тренировочному центру прошло еще тише – но когда они зашли в кабинет, а он оказался пустым, плач возобновился.
– Держись, мы просто глянем...

Снаружи, в коридоре, группа учеников покидала раздевалку и двигалась в сторону парковки. Было приятно видеть их, и не только потому, что Налла возможно получит желаемое: после нападений на глимеру, занятия для будущих солдат были прекращены. Но сейчас Братство снова занималось следующим поколением – только в этот раз не все из них были аристократами.

Бэлла вошла в спортзал через запасной вход и залилась краской от увиденного. Зейдист был впереди, работал с подвесной грушей. Его сильные кулаки отбрасывали ее назад, пока та не застыла под острым углом. Под светом ламп его обнаженный торс был великолепен, мускулы порочно очерчены, кольца в сосках блестели, а боевая форма была идеальна даже для ее неискушенного взгляда.

В другой стороне стоял полностью остолбеневший ученик, толстовка свисала с его маленькой руки. Он наблюдал за тренировкой Зейдиста, и лицо его выражало смесь страха и восхищения, глаза были широко распахнуты, челюсть отвисла, и рот раскрылся в форме маленькой «о».

Как только крики Наллы раздались в зале, Зед резко обернулся.

– Прости за беспокойство, – произнесла Бэлла сквозь вопли. – Но она хочет к папочке.

Лицо Зеда мгновенно засветилось любовью, жесткая концентрация тут же покинула его взгляд и заменилась на то, что Бэлла называла «Налла–взгляд». Он встретил их на полпути через синие маты, целуя Бэллу в губы и принимая малышку в свои руки.

Налла мгновенно устроилась в объятиях отца, обхватив ручками его мощную шею и прижавшись к широкой груди.

Зед посмотрел на ученика. Низким голосом он сказал:

– Автобус на подходе, сынок. Лучше поторопись.

Когда он снова повернулся, Бэлла почувствовала, как рука хеллрена переместилась на ее талию и прижала ближе к нему. Поцеловав ее еще раз, он прошептал:

– Мне нужно в душ. Не хочешь помочь?

– О, да.

Все трое покинули спортзал и направились в особняк. На полпути Налла вырубилась, и, поднявшись к спальне, они прошли к детской, положили ее в кроватку, и после насладились очень горячим душем – горячим не только от температуры воды.

Когда они закончили, Налла снова проснулась, и настал час чтения.

Пока Бэлла сушила полотенцем волосы, Зед вошел с малышкой на руках, и папа с дочкой устроились на огромной кровати. Бэлла вышла чуть позже и облокотилась спиной на дверь, наблюдая за ними. Парочка прижалась друг к другу так близко, будто они были одним человеком. На Зеде была пара пижамных штанов из шотландки и открытая мужская майка. На Налле – бледно-розовая пижамка с белой надписью «Папина дочка».

– «Места куда пойдешь», – прочитал Зед из книжки, лежавшей на колене. – Доктор Сьюз.

Зед читал, а Налла время от времени похлопывала по страницам.

Это был новый обычай. В конце каждой ночи, когда Зед возвращался с патруля или обучения, он обычно принимал душ, пока Бэлла кормила Наллу, а потом они с дочерью забирались на кровать и, он читал ей, пока та не засыпала.

После чего он бережно относил ее в детскую... а затем наступало время для «мамочки и папочки», как он это называл.

Это чтение и его отношение к Налле были чудом, к которым приложила руку Мэри. Они с Зедом встречались раз в неделю в подвале, около печи. Бэлле дали знать об этих сеансах, а иногда Зед немного рассказывал о происходящем там, но в большинстве случаев обсуждаемое не покидало стен подвала. Бэлла понимала: Зед делился ужасными вещами – после сеансов Мэри частенько запиралась в спальне с Рейджем и долго, долго не появлялась. Но это работало. Зед находил облегчение по-другому, по-новому.

Это проявлялось и в отношении к Налле. Когда малышка ухватывалась за его запястья, он не отталкивал ее, а позволял трогать его и целовать метки. Он разрешал ей лазить по изуродованной спине и тереться личиком о его лицо. И он добавил имя дочери на свою спину: Братя вырезали его прямо под именем Бэллы.

Проявлялось также в том, что кошмары прекратились. Уже много месяцев он не просыпался в поту.

Это было видно и по его улыбке. Она стала шире, появлялась чаще.

Картинка, стоявшая перед глазами, резко поплыла, и, словно учуяв слезы, Зед тут же взглянул на нее. Нахмурившись от беспокойства, он продолжил читать.

Бэлла послала ему воздушный поцелуй, а он в ответ похлопал по матрасу рядом с собой.

– «Итак, в путь!» – закончил он, когда Бэлла подошла ближе.

Налла, издав счастливый вскрик, ударила по книжной обложке, которую только что закрыл Зед.

– Ты в порядке? – прошептал он Бэлле на ухо.

Положив руку на его щеку, она притянула его губы к своим.

– Да. Еще как.

Когда они поцеловались, Налла снова ударила книжку.

– Ты уверена, что все нормально? – спросил Зед.

– О да.

Налла ухватила за книжку, и Зед ухмыльнулся, слегка потягивая ее назад.

– Эй, ты что делаешь, малышка? Хочешь еще? Тебе уже хватит... ты... о, нет... только не дрожащая губа... о, нет. – Налла хихикнула. – Возмутительно! Ты хочешь еще, и знаешь, что получишь желаемое из-за Губы. Здорово, ты крутишь своим папочкой, как только хочешь, так ведь?

Налла проворковала что-то, когда ее папа снова открыл книгу. Тихим голосом Зед снова начал рассказ.

– «Поздравляю! Сегодня – твой день...».

Бэлла прикрыла глаза и положила голову на плечо хеллрена, слушая сказку.

Из всех мест, где она побывала, это было лучшим. Прямо здесь. С ними двумя.

И она знала, что Зейдист чувствует то же самое. Об этом говорили часы, проведенные с Наллой. Дни, когда он тянулся под простыней к Бэлле, когда они оставались наедине. Он снова начал петь, стал зависать с Братями не ради тренировок, а ради веселья. У него появилась новая улыбка – та, которую она раньше никогда не видела, а сейчас не могла дожидаться, чтобы увидеть снова.

Свет был в его глазах, в его сердце.

Он был... счастлив. И становился все счастливее.

Словно прочитав ее мысли, Зед взял ее руку в свою широкую ладонь и сжал.

Да, он чувствовал то же самое. Это было его самое любимое место.

Слушая историю, Бэлла позволила себе задремать. То же сделала и ее дочка. Они в безопасности; все так, как должно быть.

Их мужчина вернулся к ним... и останется навсегда.